

КАВКАЗ

(LE CAUCASE)

**ОРГАН НЕЗАВИСИМОЙ
НАЦИОНАЛЬНОЙ МЫСЛИ**

L'adresse de l'administration : 10, rue de Plelo, Paris (15^e)

№ 10/34

ОКТАБРЬ 1936

№ 10/34

СОДЕРЖАНИЕ :

Гайдар Баммат. — Конец одной эпохи.
Шалва Амиреджиби. — Культура и больше-
визм.
Шалва Карумидзе. — «Север» и «Юг».
З. Авалишвили. — Новая книга о Кавказе.
Тамбий Елекхоти. — Голос кавказского мла-
доросса.
В. Цицишвили. — В поисках доктрины.

Ген. Муса паша Кундухов. — Воспоминания.
Ген. П. Одишелидзе. — Роль грузинских
меньшевиков в подготовке к войне 1921
года.
А. Диановский. — Лираи.
Обзор печати.
Хроника.

29 октября 1936 г.

Истекший месяц ознаменовался событиями, значение которых трудно преувеличить.

КОНЕЦ ОДНОЙ ЭПОХИ Не боясь впасть в крайность можно утверждать, что мы присутствуем при крушении целой политической эпохи в Европе и зарождении новой.

Ликвидируются остатки европейского правопорядка, созданного Версальским трактатом.

Рушится вся система непрочного европейского равновесия, покоившаяся на гегемонии держав победительниц и на порабощенной ими Лиге Наций.

Бессилье или нежелание Англии и Франции реагировать против повторных нарушений Версальского договора, против введения всеобщей воинской повинности в Германии, против занятия и укрепления демилитаризованной Рейнской зоны; позорный провал Лиги Наций в итадо-абиссинском конфликте и разлагающее влияние Москвы на внешнюю

и внутреннюю политику некоторых стран, нанесла этой системе смертельный удар.

Средние и малые государства Европы, 18 лет покорно следовавшие за победной колесницей Англии и Франции не хотят больше связывать свою судьбу с этими странами.

Эмансипируется от их влияния маленькая Австрия, чтобы войти в орбиту нового итало-германского созвездия.

Колеблются основы Малой Антанты. И в Праге, и в Бухаресте, и в Белграде.

Никакие официальные выступления г. Крофты перед комиссиями парламента не изгладят впечатления, произведенного речью Бенеша в Зеленом Броде. Никакие казенные опровержения не скроют глубокого разброда, царящего в рядах руководящей аграрной партии и все учащающегося паломничества их лидеров в Берлин.

Вынужденный уход с политической сцены Титулеско, зловещее имя которого так тесно связано с франко-советским пактом и с московским уклоном румынской внешней политики слишком знаменателей для настроений Бухареста, чтобы стоило долго на этом останавливаться.

Реальное значение этого факта не затмят ни ответный визит короля Кароля в Прагу, ни ритуальное, в таких случаях, застольное красноречие...

В речи Бенеша внимательный читатель обратит внимание, не столько на обязательный куплет о прочности Малой Антанты, сколько на сибиллические слова президента о «глубкости и способности этой группировки применяться к обстоятельствам».

Отметит он также в речах обоих высоких ораторов полное, на этот раз, вопреки твердо установившейся традиции, отсутствие какого бы то ни было упоминания о Франции...

Не более благополучно обстоит и в Бел-

граде. О новых ветрах, дующих в Югославии говорит ряд показательных фактов. Не последнее место среди них занимает только что заключенный торговый договор с Италией и совершенно необычайный тон итальянской печати, вдруг открывшей, что Адриатическое море является не барьером между обеими странами, а «трэ-д'юнионом»...

Но ярче всего об охватившей Европу смуте свидетельствует новая позиция Бельгии, демонстративно рвущей свои военные союзы и возвращающейся к традиционной политике нейтралитета.

**

Значение бельгийского жеста огромно.

«То, что произошло в Бельгии, пишет Андрэ Тардье, превосходит по своим моральным и материальным последствиям все то, что пережила Европа со времени перемирия. Никогда Францию не постигала такая неудача...».

Речь короля Леопольда, изложившего своим министрам директивы новой «исключительно бельгийской политики» для многих во Франции явилась полной неожиданностью.

Французское общественное мнение, вообще чрезвычайно плохо осведомленное о том, что происходит за границами страны, было глубоко взволновано.

А между тем ничего неожиданного в эволюции Бельгийской политики нет. Процесс охлаждения Бельгии к Франции имеет довольно длительную историю.

Эта история параллельна развитию франко-советской дружбы.

Как некогда сближение Парижа с Москвой толкнуло Варшаву в объятия Берлина, так франко-советский пакт, с неизбежными его последствиями во внутренней и внешней по-

литике Франции, заставил Бельгию отгородиться от опасных для ее безопасности и внутреннего мира, последствий франко-советского политического сотрудничества.

Уже в марте месяце, в бытность в Брюсселе, польского министра иностранных дел Бека, можно было констатировать симптомы охлаждения руководящих бельгийских кругов к новым веяниям французской внешней политики.

С приходом к власти в Париже «народного фронта» и увеличившимся влиянием Москвы, охлаждение это, как и следовало ожидать, значительно усугубилось.

Позиция, занятая различными элементами правительственного большинства в испанской гражданской войне оттолкнула Бельгию окончательно.

Речь, произнесенная 20 июля министром иностранных дел Бельгии Спааком, в которой он с необычайной резкостью выступил против пацифистов, «не колеблющихся прибегнуть к войне, чтобы доказать свое миролюбие», уже не оставляла никаких сомнений в том, что Бельгия готовится принять решение, которое повергло в такое изумление массу французов.

На эту эволюцию Бельгии мы имели случай обратить внимание наших читателей в августовском номере «Кавказа».

Еще, конечно, слишком рано подводить итоги принятого бельгийским правительством решения.

В аспекте материальном ближайшим его последствием, вероятно, окажется необходимость для Франции пересмотреть весь план национальной защиты, построенной на сотрудничестве бельгийских и французских армий на территории Бельгии; протянуть до мо-

ря линию укреплений Мажино, которая, как известно, доведена лишь до бельгийской границы; найти новую систему координации действий воздушных флотов Англии и Франции, для которых Бельгия должна была служить плацдармом.

В плане моральном инициатива Бельгии означает еще один решительный шаг к окончательной ликвидации женеvских иллюзий, связанных с пресловутой политикой «коллективной безопасности» и любезным сердцу Литвинова «неделимым миром».

Французской дипломатии вероятно придется поставить крест над проектом нового расширенного Локарно, с участием Москвы, и всей сложной и кропотливой работой проделанной дипломатическими канцеляриями и военными экспертами со времени лондонских совещаний локарнских держав.

Нельзя серьезно говорить о Локарно, в котором не приняли бы участие ни Германия, ни Италия, ни Бельгия...

Инициатива новой группировки держав, целью которой будет дать гарантии мира в Западной и *только* в Западной Европе, переходит в другие руки.

У Москвы нет решительно никаких шансов принять участие в этой группировке.

Все данные на-лицо для того, чтобы думать, что Англия таким результатом отнюдь не разочарована. Совсем наоборот.

**

Поездка графа Чиано в Германию, в центре общественного внимания.

Официальное комюникэ довольно скупо резюмирует итог бесед молодого министра

иностранных дел Италии с Фюрером и членами германского правительства.

Никакого официального договора, повидимому, действительно нет. Тема бесед и заключения, к которым пришли собеседники, были просто зарегистрированы в протоколе, подписанном обеими контрагентами.

Эта формальная сторона, впрочем, никакого значения не имеет. За последние годы на наших глазах было подписано так много разных пактов и договоров, которые остались мертвой буквой, что мы давно уже перестали придавать цену бумажным соглашениям.

Как бы ни пытались противники итало-германского блока минимизировать значение достигнутых результатов, спекулируя на расхождении интересов обеих стран — в Австрии, например — нельзя не признать, что путешествие графа Чиано открывает новую страницу в послевоенной истории Европы.

Не станем останавливаться подробно на анализе итало-германских разговоров. О них так много писалось в эти дни.

Совершенно достаточно отметить, что основным и самым важным для нас является торжественная демонстрация солидарности Германии и Италии перед лицом красной Москвы и олицетворяемым им мировым злом коммунизма.

Что сообщает свиданию Фюрера Германии с представителем Муссолини подлинно историческое значение и общечеловеческую ценность это то, что впервые после торжества коммунизма в России две великие европейские державы, с общим числом населения в 110 миллионов душ и с неисчерпаемыми военными и техническими возможностями открыто, перед лицом всего мира, заявили, что они вступают в союз для борьбы с коммунизмом и что этой борьбе, во имя защиты высших духовных достижений человечества, во имя

культуры и цивилизации они подчиняют все политические и государственные интересы своих стран.

«Против коммунизма — заявляет обычный порт-пароль римских правительственных кругов «Журнале д'Италия» — во имя европейской и мировой солидарности встают исполненные решимости, фашистская Италия и национал-социалистическая Германия. Их позиции определены, точны и непримиримы. Ни о каком компромиссе не может быть речи. И нам приятно констатировать, что далекая Япония, выдвинувшийся вперед аванпост цивилизации на Тихом океане, присоединяется к нашим позициям...».

И представители официальной дипломатии, и отражающая виды правящих кругов пресса обеих стран, прилагают все усилия, чтобы не осталось никаких сомнений, что такая именно конкретная задача, поставленная себе Римом и Берлином, что никаких территориальных приращений ни в Западной Европе, ни в бассейне Средиземного моря ни Германия, ни Италия не ищут.

Заслуживает особого упоминания та часть декларации графа Чиано, где говорится о неизблемости принципа территориальной неприкосновенности Испании, как в Метрополии, так и в колониях. Не трудно догадаться, что это ответ на опасения, порожденные слухами о видах Германии и Италии на испанское Марокко и Балеарские острова.

Ответ, который будет зарегистрирован с особенным удовлетворением в Лондоне.

Желание быть приятным Лондону вообще проходит красной нитью во всех переговорах. В частности и в решениях, принятых в связи с дипломатической подготовкой «второго Локарно», Германия и Италия торжественно подтверждают свою готовность принять участие в пакте, призванном

дать гарантии безопасности *Западной* Европе... в составе участников первого Локарно.

Не лишены некоторого интереса слухи, что, по инициативе Рима, принимаются меры к тому, чтобы к соглашению была привлечена также и Польша. В связи с оживлением франко-польского союза и предстоящей в близком будущем поездкой в Лондон полковника Бека — слухи эти приобретают особо симптоматическое значение — и вероятно испортят не мало крови присяжным борзописцам «Известий» и «Правды», уже несколько месяцев систематически изливающим свою желчь на «польского жениха Марианны».

Но капитальным ходом итало-германской дипломатии ближайших дней, повидимому, явится новое обращение Берлина к Франции с предложением пакта о ненападении, с гарантией Англии и Италии.

Эта инициатива будет встречена весьма симпатично преобладающей частью общественного английского мнения, в котором за последнее время очень выросли германофильские чувства.

Найдет она сочувственный отклик и в весьма влиятельных консервативных кругах, на которые опирается правительство Болдвина и где все больше и больше начинают думать, что Европе не удастся найти прочного мира и равновесия до тех пор, пока не будет положен конец советским интригам и Франция не откажется от своего союза с Москвой.

*
**

Судьба Мадрида решится в ближайшие дни. Падение столицы неизбежно. Центр тяжести испанской трагедии будет перенесен в Барселону. Вокруг Каталонии завязывается опасный узел грядущих международных

осложнений. Здесь решила Москва сыграть свою последнюю решительную карту. Сюда направляются советские пароходы с военным грузом. Здесь царит пресловутый Антонов-Овсеенко и разгуливают в полной парадной форме советские техники и красноармейцы.

«Обезьяньи штучки» советских представителей в лондонском «Комитете невмешательства», из которого Москва не то уходит, не то не уходит, и сложная коварная игра по линии Второго и Профессионального Интернационалов, направлены к тому, чтобы припереть к стене лондонский и парижский кабинеты и принудить их под давлением улицы взять на себя инициативу снятия эмбарго на оружие для Испании.

Москва спекулирует на том, что на такую меру Германия и Италия немедленно ответят контр-мерами, которые очень легко приведут, при помощи советской провокации, к европейскому пожару.

Можно быть уверенным, что в Англии маневр Москвы потерпит самое плачевное фиаско. Будем надеяться, что постигнет его неудача и во Франции. Только что закончившийся в Биаррице съезд радикал-социалистов показал, что увлечение советами за эти пять месяцев «опыта народного фронта» сильно спало даже в рядах тех, кто был до сих пор наиболее надежной опорой политики ставки на Москву.

Для усвоения новых настроений своих недавних союзников, Литвинову будет полезно поразмыслить над следующей декларацией, которую печатает жирным шрифтом в номере от 27 октября самая влиятельная радикальная газета «Денеш де Тулуз»:

«Советское правительство должно отдать себе отчет, что если его корабли плывут к испанским берегам, то они там найдут в готов-

ности флоты Италии и Германии. Оно должно понять, что советский флот, удаленный от своих баз, будет бессилён против своих фашистского или гитлеровского соперников. Рассчитывает ли оно, если не на активное содействие Франции, то, по крайней мере, на помощь, которую суда его найдут в наших портах и базах? Воображает ли оно, что взрыв общественного мнения, вызванный некоей политической партией заставит нас совершить этот жест безумия?

На все эти вопросы — один ответ: мы подписали с русской нацией пакт. Этот пакт мы заключили не для того, чтобы воскресить эпоху крестовых походов, но для поддержания мира. Нужно, чтобы это было хорошо усвоено и здесь и там».

Ближайшее будущее покажет способна ли Москва усвоить урок «Денеш де Тулуз». В этом позволительно усомниться.

Гайдар Бамайт.

Культура и большевизм

Московский расстрел шестнадцати большевиков, среди которых имелись творцы первоначального большевизма, не прекращающиеся аресты других и возможное такое же убийство третьих, не оставляет места для сомнения в том, что большевизму сильно нездоровится. До смерти никогда не далеко и самой близкой смертью бывает не долгожданная, а внезапная смерть. Большевизм должен умереть!

Но реальность подобной возможности затуманивается догматическими рассуждениями людей, воспытанных в духе заветов французской революции. Духовных наследников якобинцев, либералов всех мастей и патриотов воодушевляет идея, что вслед за Робеспьером-Сталиным должен появиться и русский Бонапарт! Так думают они, вот уже скоро двадцать лет, несмотря на то, что всякое такое отождествление фактов русской революции с образцами французской, приводит к одному и тому же концу: люди охотно лезут в тупик, где Бонапарты не рождаются!

О России сами русские любят говорить, что у нее «особенная статья». История повторяется тоже не каждый раз. Нет также знака полного равенства между французской революцией и большевизмом. Наконец, забывается и то, что, как ни как, а Бонапарт все же был идейным наследником якобинцев. И что же было последствием этого? После Бонапарта Бурбоны возвращались во Францию только промежутками, вся же последующая история Франции устроилась или опять по бонапартеки или как то завещали якобинцы. Многовековая французская монархия сложилась в эгалитарную республику.

Вот почему кажется, что люди, желающие в каждом московском расстреле усмотреть советский Термидор и готовые тут же набросать профиль советского Бонапарта, сами того не понимая, только превозносят большевистскую устойчивость и расчищают путь эволюционному большевизму на будущие времена. Но и без этого, как, в самом деле, в режиме сплошных убийств, каким является большевистский

строй, определить какое из убийств есть термидорианское, ведущее большевиков к собственной гибели и какое — правомерно-большевистское, укрепляющее их. Ведь никто не станет отрицать, что большевизм креп исключительно на убийствах.

А меж тем, большевизм должен погибнуть, будь это с Термидором или без Термидора. И не проще ли было бы думать, что большевизм должен уйти, как уходит холера, погибнуть как гибнут, под конец, все ужасные гидры жутких сказок, ибо этого требует мораль самой сказки. Эта гибель большевизма без остатка, т.-е. без догматического «Бонапарта», подсказывается самим содержанием большевизма. В большевизме все также пусто и смертельно, как в холере. Или большевизм истребит Бога и Нравственность, Человека и Культуру или он должен исчезнуть сам и тогда завещанный им Бонапарт никому не нужен.

Еще значительней содержания большевизма его происхождение. Исторически большевизм явление русское. Но его идейной основой явился «европейский» марксизм. Только русская «интеллигенция», игравшая всегда в социалистическом движении такую исключительную роль, можно сказать, никакой «классовой теорией» ей не предназначенную, способствовала тому, что большевизм стал явлением русским. Конечным вождем этой интеллигенции явился Ленин, с скудоумием обращенного варвара уверовавший и в непреложность «законов» марксизма и осуществимость социализма. Он, а потом Сталин, и оказались строителями социалистического общества. Но можно, не ошибаясь, сказать, что судьбы марксизма и социализма будут решаться все же не в России, «отечестве» осуществленного социализма, а в капиталистических странах Западной Европы, откуда по-

шла сама идея о социалистическом обществе и против которых и была направлена с самого начала вся ленинская революция. С этой стороны, события, происходящие ныне в Испании имеют, быть может, большее значение для судеб марксизма и социализма, чем очередная склока среди русских большевиков. И в этом смысле, претендующий на мировое господство большевизм, давно уже породил своего «бонапарта» или лучше сказать «бонапартов». В Италии это — Муссолини, в Германии — Гитлер, в Венгрии — Хорти, в Польше — Пилсудский и его преемники, в Турции — Ататурк, в Австрии — Шушниц, в Португалии — Салазар, в Бельгии — Ван-Зееланд, в Испании — Франко и т. д. Большевизм даже не заметил как перелицевалась вся старая Европа. И вполне допустимо, что «бонапарта» не будет только в России!

Большевизм пустил Россию по такому скату, что невозможно будет не только повернуть вспять, об этом нечего и думать, она не может застрять и на середине и должна грохнуться до конца. Должна иметь место именно катастрофа большевизма, большевизма как идеи, как строя, как неудавшегося «нового общества». Эта катастрофа неминуема и она непременно наступит вследствие причин, порожденных небывалым еще в истории человеческого общества разочарованием, как самих строителей этого общества, так и миллионов людей, ставших его вольными или подневольными членами. Особенно это разочарование будет трагично для фанатиков социализма и марксизма.

Можно дать бедному человеку рубль и это будет скромным, но подлинным благодеянием. Социалист рубля никогда не даст. Но он сто лет доказывает, что может установить строй гражданского и экономического равенства, в котором люди не будут нуждаться в

хлебе насущном. Большевики установили в России этот строй. В это строительство были вовлечены миллионы людей, одни добровольно, другие путем неслыханных принуждений. И все это оказалось бессовестным, циничным, кровавым обманом. Строй не вышел. Получился хаос, поголовный голод, смерть, одиночество, безбожие, тьма. Надлом проник в душу, мозг и в сердце человека и Россия сегодня больше больна своим антибольшевиз-

мом, чем большевизмом. Она немощна как человек, пораженный параличем. Думать, что больная Россия сама себе может влить жизненный раствор — такое же заблуждение, как «социализм в одном государстве» большевиков.

Спасение только в общем провале большевизма повсюду и в общей победе культуры и цивилизации.

III. Амирджоби.

„Север“ и „Юг“

*(Продолжение)**

Но попытка объединения Кавказа терпит неудачу в корне. Грузинской армии дан приказ отступить в пределы Грузии. Ленин спешит заключить мир: подписывается договор, в котором Новый Север не менее определенно чем Старый признает независимость Грузии и специальным пунктом гарантирует свое невмешательство в грузинские дела. Но в договоре нет ни одного слова о нашей действительной и, пожалуй, единственной гарантии, о судьбе наших соседей, о громадной, подавляющей части нашей общей родины — о Кавказе...

К великому конфузу московских и тифлиских интернационалистов в их партийных переговорах и внутренних взаимоотношениях начинает фигурировать непривычное понятие и новый термин: независимость. Отношения между Грузией и Севером фиксируются как отношения одного народа к другому, а не как

объект отношений двух разветвлений марксизма — большевизма и меньшевизма.

Эта заслуга принадлежит исключительно национальной Грузии, грузинской армии и повстанцам Зангезура, Ганджи, Нухи и Северного Кавказа. Через 3 месяца акт этот получает свою иллюстрацию в качестве международного обязательства в дополнительном русско-германском договоре от 27 августа того же 1920 года. Специальным пунктом (тринадцатым) подтверждается это обязательство России. В «фатальный» круг между Севером и Югом вклинивается новая, третья сила. Север понимает создавшееся положение вещей и обстановку. Москва готовится к новому натиску — к вторжению и войне. Тифлис же ослабляет свои национальные позиции и частично демобилизует армию, рассеивает арсенальные запасы, расстраивает средства передвижения, усиливая вместе с тем революционную пропаганду внутри страны и тем наносит окончательный удар оборонительным си-

**) См. «Кавказ», №№ 8/32 и 9/33.*

лам и средствам страны. Не прошло и года, как такое понимание задач большевистским Севером и меньшевистским Тифлисом дало свои результаты. В ночь с 16 на 17 февраля 1921 года Грузия пожала плоды преступной политики своего правительства. В эту трагическую ночь на заседании Учредительного Собрания «лорд-мэр» Тифлиса сообщил о решении интернационального главы грузинского правительства сдать столицу, т.-е. страну.

Странным образом, вплоть до этой ночи глава Севера, Ленин, и глава грузинского правительства в одних и тех же выражениях оценивают вещи и происходящие события, с той только разницей, что Ленин, маскируя им же тщательно приготовленную войну, называет ее «восстанием недовольных армянских рабочих и крестьян и пограничного населения», а Ной Жордания «восстанием банд». Странным образом, глава грузинского правительства упорно замалчивает и перед грузинским народом, и перед соседями, и перед всем миром истинный характер происходящего. Не говорит о начатой Москвою войне и не обличает нападающей стороны...

Мы бы испытали истинное облегчение если бы в словах и речах, произнесенных главой правительства до 16 февраля нам могли бы указать хоть малейший намек на иной подход к делу, иную оценку положения. А с этой ночи вопрос уже заключался в защите чести страны, чести ее прошлого и будущего — т. е. реальное дело защиты ее против нашествия было уже проиграно... Честь страны была защищена армией, теми национальными ее кадрами, которых, в противоположность своим преторианским революционным частям: «народной гвардии» — меньшевистское правительство держало в черном теле, на положении нелюбимого пасынка. Честь Грузии была защищена нашими героическими юношами

— юнкерами офицерской школы и добровольцами из национальной интеллигенции хевсур и борчалинских татар. В эти горестные дни мы были свидетелями и последней демонстрации духовного единства и неделимости Кавказа, расчлененного под натиском Севера и влиянием интернациональных и классовых теорий. В защите Тифлиса против шедших с Севера русских полчищ, среди которых, благодаря роковому ослеплению и братоубийственной розни, находились части нашего христианского соседа, наряду с грузинской национальной армией доблестное участие принял азербайджано-горский отряд, сформированный, возникшим в момент вторжения в Грузию красной армии, временным правительством Азербайджана и Северного Кавказа: Азербайджано-Горским Комитетом.

Этот отряд проделал плечо к плечу с грузинскими войсками всю кампанию и покинул последнюю пядь грузинской земли в день вступления красной армии в Батум, чтобы интернироваться в Турции.

Вот деталь той обстановки, в которой разыгрался последний акт нашей недавней национальной трагедии — деталь, преступно замалчиваемая и свидетельствующая, лучше всяких слов, о подлинной моральной физиономии Кавказа.

**

Паза и Грузия. Север и Юг снова очутились лицом к лицу на территории завоеванного Кавказа. Они смогли перестроиться и реорганизоваться... Перестроились они в сознании своих национальных задач, используя в своих государственных целях с максимальным искусством международное положение и брошенные ими в массы идеи.

Мы сделали обратное: национальные цели принесли в жертву чужим идеям, не исполь-

зовав ни национальных возможностей Кавказа, ни международной обстановки.

Мы вернулись к исходному нашему положению и в новой обстановке, в новой группировке наших собственных сил, радикально перестроенных годами революции в новой, более осложнившейся международной обстановке, когда Север еще не нашел берегов своего брожения и домогательств, не был в своих идеях и своих отношениях к Югу — вынуждены как встарь бороться все за то же сохранение национальной самобытности Кавказа и за обеспечение за ним условий независимого существования и развития.

Одно ясно. Теперь, после пережитых испытаний и сделанного опыта Кавказ един в сознании стоящих перед ним основных задач и в стремлении к их осуществлению. То, что не захотели сделать вершители наших судеб в годы нашей независимости, ни в порядке осуществления нашей, казалось бы, свободной политической воли и то, что пытались осуществить традиционным путем на поле брани наши воины, осуществлено теперь тоже на почве борьбы — но в иной форме и в новых условиях, в гораздо более тяжелых и жертвенных условиях нелегальщины.

В жажде своей свергнуть иноземное иго Кавказ един. Вся национальная воля нашего народа сконцентрировалась на этой цели, как и воля наших соседей. Из этой основной цели исходит наш народ и в определении своего отношения к проблеме Севера и Юга. Север владеет нами почти *in corpore*. Владеет не только материей нашей, т.-е. землями, водами, воздухом и телесами нашими, но и глубоко влез, вторгнулся в нашу душу, в духовный наш облик, в образ мышления и восприятия и пытается перестроить весь наш душевный на основе своих северных догм и взглядов.

Устой вашей экономической жизни пере-

страиваются таким образом, что мы делаемся колонией, связанной с Севером небывалой зависимостью. На учете Северного едока оказываются у нас число доз и кур. Вся система нашего хозяйства рассчитана на то, что в случае какихнибудь осложнений или конфликта с этим Севером нас должен настичь неизбежный крах.

Не владеющий нашими «унионистами» кошмар южного нашествия вызывает в нас волнения за судьбы и будущее Кавказа, а эти бесчеловечные, дьявольские расчеты Севера.

Ни один завоеватель, ни одна вторгнувшаяся к нам внешняя сила, а помним мы их не мало, не вложили в нашу жизнь столько ферментов разложения, и бацилл денационализации, не принесли столько способов уничтожения, сколько принес нам Север.

Ленин хорошо знал силу этих бацилл, оставленных нам тогда в наследие Севером. Знал он и то, что нужно делать для того, чтобы оживить этот яд в нашем национальном организме.

В какой версии войдет в историю вопрос, кому именно принадлежала инициатива, где создалась идея тяготения демократического Кавказа к единой демократической Москве, в Тифлисе или в Москве, мы не знаем, но знаем мы зато, что присутствуем при активной попытке аккредитировать эту идею одновременно и дома у нас — на Кавказе, и здесь — в эмиграции. «Армяно-Грузинский Унион» не что иное, как одно из робких проявлений этой теории... Ведь имел место в самом начале революции факт попытки объявить все мусульманское население Кавказа подозрительным с точки зрения революционной и социалистической зрелости и на этом основании устранить от участия в какихто комитетах, ведавших тогда судьбами Кавказа. Но тогда это проделывалось членами Российской

социал-демократической партии во имя русской революции и социализма, а теперь это делается членами не русских как будто партий. Во имя чего же? По существу этот вопрос, при нынешнем самосознании наших народов и их умонастроениях, практического значения не имеет.

Проблема Севера в целом настолько ясна и так глубоко проникла в сознание масс, что затемнить это сознание и разбить чувство солидарности грузинского народа со своими мусульманскими соседями никому не удастся. Ни христианство, ни демократия и никакие другие идеи не в состоянии отклонить Грузию от единственной мысли, владеющей безраздельно ее волей — от мысли о той смертельной опасности, которую для ее национального бытия представляет этот самый Север и от воли раз и навсегда от него освободиться.

Конечно, наш народ не забывает и о Юге и не закрывает вовсе глаз и на южную проблему. Не мог же пройти незамеченным целый ряд весьма реальных явлений. То, что Юг находится на новых местах, что особенно сильно и больно переживается это обстоятельство Арменией, что странно-непривычны новые отношения между Югом и Севером... Конечно, все это известно и ощущается особенно теми, кто с этими новыми явлениями непосредственно соприкасается — но на общую оценку проблемы наших отношений к Северу это мало влияет.

Тут наибольший интерес представляет отношение к этой проблеме самого армянского народа. В борьбе с Севером, как бы ни были настроены некоторые руководящие круги армянской эмиграции, армянский народ на местах идет с нами, с другими народами Кавказа. В этой борьбе степень его участия, национальной его решимости, его жертвенности

не меньше, чем других кавказцев — азербайджанцев, горцев, грузин. Сопротивление армянского народа против Севера не прекращается, выливаясь в открытые восстания, то в контакте с соседями, то единолично. Это, конечно, отнюдь не означает, что он примирился со своим уделом на Юге и не назовет в будущем об этом своим соседям. Это его право. Но здравый ли смысл, инстинкт ли политического самосохранения, стратегический ли расчет, или сознание неразрывности уз, связующих его в единой судьбе с соседями, сегодняшняя политика и тактика армянского народа, в Армении, направлены против Севера и только против Севера, и в этом армянский народ солидарен со всем Кавказом, не видящим, не знающим и не желающим сегодня знать другого врага, кроме Севера.

Такова императивная воля народов Кавказа, творящих в муках и борьбе нашу историю. Эта воля обязательна и для нас здесь — для всех, кто за Кавказ и с Кавказом в его целом и в составных его частях.

В письме двух крестьян, армянина и грузина, не политиков, а убеленных сединами солдат родины, привнесших ей в жертву родных, строй, все духовные наши начала на свой лад, большую зажиточность, — плод долголетнего труда — и годы повстанческой мученической борьбы, нынешнее настроение нашего народа находит такое выражение: «...Не выдержали больше, слишком уж затянулась веревка... перешли границу и второй месяц здесь (в Турции)... Тут свой народ и земля наша. Приносим благодарность Богу, что Кемаль задержал нашествие этих варваров (Севера. — *Авт.*) под игом которых стонет наша родина, иначе эта земля и народ горели бы в том огне (*im thonechi daizoda*), в каком там...». Авторы этого письма, как мне известно, переносились и с одним из наибо-

лее шумных теоретиков «Униона» и тем охотнее я привожу эту выдержку.

Так преломляется в действительности там на местах проблема Севера и Юга и под такими настроениями вынес свое единодушное суждение и отношение к ней наш народ.

Как же преломляется в нашем сознании та же проблема Севера и Юга в том мире, наблюдателями которого, волею судеб, являемся мы. Имеются ли у нас серьезные данные для того, чтобы на основании наших наблюдений, анализа фактов международной жизни, оценки группировки сил указать нашему народу иное, более отвечающее его жизненным интересам решение этой проблемы?

Каково значение обоих факторов проблемы Севера и Юга в сложном клубке международных отношений, можно ли считать, что

влияние их на нашу жизнь имеет самодовлеющее значение. Может ли Кавказ в виду его географического положения и естественных богатств, имеющих мировое значение (нефть, марганец) остаться в исключительной сфере двух соседних государств? Где наше место в борьбе противоположных идей, ареной которых становится мир и так ли уж беспомощен Кавказ, что, в случае «стратегического ухода Севера», в возможность которого так легкомысленно уверовали «уннионисты», мы оказались бы не в состоянии удержаться и оградить нашу страну от новых завоевателей? Все эти вопросы требуют разрешения. На них мы постараемся ответить в следующем номере.

Шалва Карумидзе.

(Окончание следует)

Новая книга о Кавказе

Скончавшийся безвозвратно в 1933 г. германский дипломат и ученый О. Г. фон Везендонк, памятен многим кавказцам участием своим, в качестве члена германской делегации, в трудах Батумской мирной конференции 1918 года. После утверждения советской власти на Кавказе он служил некоторое время германским генеральным консулом в Тифлисе. К этому времени относится и работа его *«Язычество в Грузии»*. Тогда-то он и получил возможность к своему обширному книжному и политическому знанию кавказских стран прибавить живое, непосредственное знакомство с ними. Он исколесил их во всех направлениях. Разносторонняя общая образованность и специальная подготовка ори-

енталиста-праниста изощрили глаз этого наблюдателя, и ему было легче, чем многим другим, разобраться в своеобразном сочетании «западного» с «восточным» в жизни современного Кавказа и в том, как две «ориентации» распределены между его народами. Плодом книжных занятий, размышлений и «осмотра на месте» явилась книга Везендонка: *«Из кавказского мира»*, законченная в 1925 году, позже изданная в Берлине, без указания даты, германским «Союзом друзей книги» исключительно для своих членов.

Это очень живая и ценная книга. В ней показаны вся многогранность, все крайности жизни Кавказа, показаны притом как отсечения вековых исторических течений в составе

наличной действительности. Сравнительно мало места занимает здесь то, о чем так назойливо пишут заезжие корреспонденты газет и присяжные хвалители, — успехи и достижения коммунизма. Нет, однако, здесь вовсе и желания что либо замолчать. Автор по-просту пишет не о «политическом и социальном опыте» коммунизма в применении к кавказским народам, а о самих народах, этому опыту подвергаемых. Такой подход тем интереснее, что, вообще, за «утверждением советской системы» или «коммунизмом» (как в прошлом столетии за «утверждением русского владычества на Кавказе») легко проглядеть собственную жизнь его народов и все своеобразие их исторических судеб. Этим судьбам Везендонк посвящает много места. Он дает живые очерки возникновения и развития всех кавказских народов, указывая, в то же время, на невозможность уложить это развитие в одну схему, выразить его одной формулой.

Разумеется, Кавказ принадлежит настоящему в той же мере, что прошлому. При всех своих архаизмах, он полон жизни. Более того, самые древние, относящиеся к Кавказу мифы получают новый смысл в наши дни: Везендонк ссылается на близость Прометея, собирающегося вместе с титанами штурмовать Олимп, к стремлениям и надеждам новейшей техники.

Некоторые из знаменитейших мифов человечества, действительно, связаны с Кавказом, и легко преувеличить его «сказочность», о которой писал в своих очерках Кнут Гамсун. Наш автор, переоценивая наивные наблюдения норвежского писателя, напоминает и о другой стороне картины: о «страшной действительности». Внутри земли буйствуют (на Кавказе) необузданные силы природы. Землетрясения, уносящие цветущие города и

местности, — в порядке дня. Черное и Каспийское моря известны своими бурями, на вершинах гор все полно страхов, в низинах же таятся лихорадки. От природы не отстает и человек. Друг за другом следуют во времени хищнические походы и вторжения, кровавые войны и разрушения. Каждый из народов, занимавших кавказские страны, испытывал страдания и несчастья, но и сам угнетал, теснил других. Борьба за существование бросается здесь в глаза, как едва-ли где-либо в других частях света. Быть может, впечатление тем разительнее, что противоречия втиснуты здесь в сравнительно небольшое пространство...

В самой природе Кавказа имеются внезапные переходы. «Из бесконечной равнины, однообразно простирающейся до далекого Северного моря, прерываемой немногими поселениями и городами, подымается ледяная стена Кавказа». Своею неизвестностью и таинственностью она тянула к себе издавна. «Уже в 3-м тысячелетии до нашей эры тогдашние обитатели богатой хлебом Кубанской области носились с этим горным хребтом, ибо на серебрянном кубке найденном в Майкопе, мы имеем одно из древнейших изображений определенного ландшафта, в данном случае, по всей вероятности Эльбруса, Ужбы и Казбека, трех окованных в лед великанов кавказских гор». (Заметим, попутно, что действительный возраст изумительного майкопского рисунка, о котором говорит Везендонк, его смысл, да и происхождение откопанной в текущем столетии вазы с профилем горного хребта, не могут быть пока установлены даже с приближительной точностью. Но это здесь не существенно).

«Сказочному» Кавказу противопоставляется трезвая действительность, как она представлена, например, Баку, со всей его непри-

влекательностью и аляповатостью, на изображение которой автор не жалеет красок.

В его книге не только описаны все главные города и местности Грузии, Армении, Азербайджана и горского Кавказа, не только рассказана история этих стран и даны характеристики его народов, но все это поставлено и в общую перспективу политической и культурной истории Ближнего Востока. Все многообразные связи с ним народов Кавказа показаны со всей отчетливостью, но все своеобразно-кавказское отмечено с особой заботливостью.

Нет, разумеется, недостатка в беглых штрихах и сценках, оживляющих рассказ, канвой которого часто служит описание поездок автора. Там, где от истории и этнографии края он переходит к изображению того, что у него перед глазами, он говорит часто о вещах, как-то не вяжущихся с обычным представлением о нынешней жизни в кавказских республиках. Кто-бы сказал, например, что на тифлисском базаре можно еще найти персов-грамотеев, торгующих книгами и рукописями? Об одном таком знакомстве повествует наш автор.

По поводу сходства грузинских застольных порядков (тамада, провозглашение тостов и пр.) с обычаями германских корпораций фон Везендонк высказывает догадку, что сходство это объясняется общностью происхождения этих обрядов из традиций античной древности. С особым удовольствием вспоминает при этом автор о пирушках с участием грузинских ученых, а также... католического духовенства. Бывало, что речи произносились на языках: немецком, грузинском, латинском, итальянском, армянском, арабском и сирийском!

Сравнительно мало места уделено в этой книге русскому и советскому, и это в порядке

вещей, потому что на Кавказе именно это есть чужое и наносное: так оно и воспринимается вдумчивым наблюдателем-иностранцем, который естественно на Кавказе интересуется преимущественно кавказским и тем, что ему сродни.

Имеются в книге интересные замечания и на неизбежную тему о технической цивилизации, вытесняющей старину — как в ковровом производстве анилиновые краски убили растительные — и о проклятии полуобразованности, предпочитающей поверхностную мнимо-европейскую выучку собственным традициям более глубокой духовной жизни. Любопытны и сопоставления автора с виденным им в других странах — Марокко, Египте, Турции. Однако, главной темой книги является то свое, особое, что так рельефно отразилось в истории и в жизни Кавказа.

В главе об Азербайджане дана попытка изложить вкратце процесс его превращения в страну преимущественно тюркскую, а в главе о Дагестане обращено внимание на некоторые шиитские «уклоны» в учении Шамиля и его предшественников, оттолкнувшие от него кое-кого из суннитов Кавказа.

То, что Везендонк сообщает о Кавказе 1925 года, сохраняет, конечно, значение свидетельства, но может уже и не соответствовать нынешнему положению вещей. 10 лет в условиях революционной жизни срок не малый. Но главное значение книги в тех исторических очерках, в том общем обзоре вопросов культуры и этнологии Кавказа, которые он мог дать на основе обширной своей начитанности и в виду широкого, доступного ему горизонта. Достоинства книги в этом отношении неоспоримы, и жаль, что для большинства кавказских читателей она останется недоступной.

З. Авалишвили.

Голос Кавказского младоросса

(ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ)

В №№ 99, 100 и 101 младоросской газеты «Бодрость» некий С. Хатаев поместил статью под заглавием «Кавказ и Россия». В этой большой и сложной проблеме автор взял часть Кавказа — Осетию и пытается доказать тоном знатока затронутого им вопроса, что в Осетии не было и нет никаких сепаратистских тенденций. На страницах журнала «Кавказ» этой теме был посвящен ряд статей построенных исключительно на фактах настоящего и на официальных русских документах прошлого. К этим фактам нужно присоединить теперь еще один новый факт, а именно преобразование трех горских автономных областей: Осетинской, Кабардино-Балкарской и Чечено-Ингушской в автономные республики. Не секрет, что Москва мало по малу вынуждена идти на уступки разным группам населения Союза, как в области социально-экономической, так и политической. Нет надобности делать особые изыскания, чтобы понять, что преобразование этих автономных областей в республики есть то же уступка тем национальным устремлениям, о которых мы писали со всей объективностью и которые не желают видеть здешние русские великодержавники типа г. Хатаева.

Нет надобности поэтому полемизировать с г. Хатаевым. Факты сами за себя говорят лучше. Тем более, что он ни одного из этих фактов, а также приведенных мной документов не опроверг. Полемика г. Хатаева довольно примитивная: все, что ему не нравится он объявил неправдой, продуктом моей фантазии. Кроме того он позволил сделать несколько не-

корректных выпадов лично против меня, кстати сказать совершенно меня не зная. Это обстоятельство побуждает меня внести некоторые разъяснения информационного порядка. Чтобы упростить задачу, а также дать представление нашим читателям, кто такие наши оппоненты, я позволю себе представить нашим читателям моего оппонента из «Бодрости».

С. Хатаева я не знаю. Ни на одном осетинском собрании парижской колонии не приходилось его видеть или слышать что либо о нем. Факт показательный для человека, который вдруг объявился осетином на страницах «Бодрости» после 16 лет эмигрантской жизни.

Не взирая на нашу маленькую колонию в 35-40 человек, наводить справку о нем в осетинской колонии оказалось делом не совсем легким. Большинство осетин сказать о нем ничего не может, а несколько человек его станичников *) знают его, как сына такого-то станичника. Обстоятельства — не совсем обычные для человека, считающего себя квалифицированным говорить от имени своего народа.

Так или иначе, по одним сведениям, С. Хатаева революция застала на скамье Владикавказского кадетского корпуса, а по другим он успел сделаться офицером к моменту гражданской войны и сегодня его возраст определяют в 33-35 лет. Короче говоря, Хатаев вырос в эмиграции, не видев Кавказа и Осетии. Это все имеет значение для того, чтобы

*) В состав Терского казачьего войска, как известно, входили, две осетинских станицы: Ново-Осетинская и Черноярская.

иметь суждение о том, была ли у Хатаева юности возможность, в бытность его на родине, вынбать в общественно-политические процессы, развивавшиеся среди осетинского народа. К этому нужно добавить, что Хатаев никогда в Осетии не был, если не считать города Владикавказа, не жил даже в своей родной станице. Считают его совершенно обрусевшим человеком, не владеющим осетинским языком. Вот при наличии всех этих данных Хатаев об'явился здесь в рядах младороссов специалистом не только по осетинским делам, но вообще по кавказским делам и не говорит иначе как «мы, осетины».

Конечно, не обязательно быть осетином, чтобы знать осетин. Об осетинах существует богатая литература на русском и иностранных языках, но из всей этой литературы С. Хатаев взял всего... две журнальных статьи, не принадлежащих перу научных работников. Это статьи Рклицкого и С. Такоева, помещенные в сборнике Осетинского Научно-Исследовательского Института Краеведения за 1926 г. Оба эти автора не состоят в составе Института, это партийные «вельможи», поместившие случайные статьи. Рклицкий — областной правительственный агроном, пытается замазать подлинную причину скудости осетинских экономических ресурсов (военная колонизация казаков и экспроприация всех лесов, вод и недр). Обычная фразеология, что до России осетин было мало, а теперь они спасены, население возросло и т. д. Население, как известно, возрастает во всем мире. Почему этот естественный процесс стараются приписать благодетельному влиянию России — непонятно. Статья Рклицкого — рассуждения типичного русского великодержавника империалиста, каких можно встретить и в Париже на каждом шагу. Что касается С. Такоева, это лично нам всем хорошо

известный бывший лидер осетинской коммунистической партии. Его маленький очерк об истории революционного движения в Осетии, целиком состоит из передержек. Известно всем, очевидно, кроме Хатаева, что большевики во всяком национальном движении среди угнетенных народов видели революционную закваску. Наши большевики использовали национальное движение в свою пользу. Чтобы выслужиться перед Москвой, они приписали все себе, своей роли. Ведь об'явили же они, что Коста Хетагкаты, наш национальный герой, был первым большевиком из горцев? О событиях, описываемых С. Такоевым, я считаю себя вполне квалифицированным высказывать свое суждение. Во всех этих событиях я или принимал личное активное участие или был свидетелем их. История общественно-политического и революционного движения горских народов, а в том числе и осетин не ограничится статьей С. Такоева, написанной с определенной целью, тенденцией, и в известных всем нам условиях. Она очень далека от правды. Есть еще много живых свидетелей всего этого и правда будет сказана.

Но совершенный перл ссылка С. Хатаева на свидетельство «нейтрального и постороннего» в наших делах ген. Деникина.

Что это неумная шутка или издевательство над собственным читателем? Ведь и ребенок поймет, что в этом споре Деникин во всяком случае не может быть свидетелем. Деникин, с которым горское правительство и горские народы вели упорную, кровопролитную войну, войну, которая по признанию самого ген. Деникина *) ослабляла белый противобольшевистский фронт и угрожала самому бытию Терского казачества.

*) Ген. Деникин в статье «Факты и События», помещенной в 1922 году в № 12 в издававшейся в Париже еженедельной газете «Слово».

Деникин, сломавший себе шею именно на Северном Кавказе, ибо последовавший после казни Кулабухова и разгона Кубанской Рады развал кубанского казачьего фронта, был одним из эпизодов его борьбы с горцами, заключившими с Кубанской Радой, направленный против «Доброармии» союзный договор, о котором мы имели уже случай говорить на этих страницах.

Странно, что г. Хатаеву ни разу не пришлось слышать в Париже мнений многих разумных русских людей, считающих роковой ошибкой Деникина то, что он вместо Москвы пошел на завоевание горских народов.

Если бы не это недомыслие бывш. главнокомандующего быть может судьбы России сложились бы иначе. Хатаев, повидимому, по молодости этого не заметил. Между тем даже сами большевики свою победу над Деникиным объясняют борьбой горцев с Деникиным. Вот что сказал по этому поводу Сталин на XII съезде компартии:

«Если бы Деникин и др. генералы не имели у себя в тылу ранее угнетенных народов, которые подрывали тыл этих генералов, мы бы не скovyрнули ни одного из этих генералов...».

Да, это была правда. Но правда не полная, ибо для полноты и правдивости исторической картины тех дней надо сказать, что горцы воевали как с Деникиным, так потом и с большевиками.

Как осетины, а в особенности дигорцы, поддержали Деникина? Для того, чтобы получить ответ на этот вопрос г. Хатаеву стоит только спросить в Париже, много ли всадников было в мобилизованных Деникиным осетинских полках? И вот мнение этого «постороннего и нейтрального» генерала у Хатаева является центральным стержнем его возражений мне. Г. Хатаеву вместо того, чтобы

очертя голову, считать неправдой все, что ему не нравится, по крайней мере, следовало бы поближе подойти хотя бы к парижским осетинам, среди которых, как он говорит, сочувствующих мне нет. Но среди них есть достаточно хорошо знакомых с этими событиями мужественных людей, способных сказать ему правду.

По существу же его статьи, направленной к тому, чтобы опорочить не только мои выводы, но даже документы, которыми я оперировал, я могу сообщить для сведения г. Хатаева и его друзей, что все документы и факты мной сообщенные и дающие возможность в хронологическом порядке установить процесс развития сперва автономных, а затем и сепаратистских идей среди горцев и в частности среди осетин взяты мной из истории Осетии, составленной молодым научным работником Коккиевым. Книга эта одобрена соответствующими органами и рекомендована в качестве учебника во всех школах Южной и Северной Осетии. С книгой я ознакомился в Париже. Рекомендую и г. Хатаеву потрудиться найти эту книгу и порыться в ней. Другие документы, сообщенные мной, взяты из российских государственных архивов. Архивы эти собирались веками. До революции они не были доступны для широкой публики. Большевики же поделили их по соответствующим национальным областям и республикам.

История взаимоотношений наших народов с Россией изучается теперь по этим архивным материалам. Время от времени они публикуются в виде исторических очерков, либо отдельными документами. Никто не мешает и г. Хатаеву разыскать эти материалы и с ними ознакомиться, и если уже возражать, или опровергать, то не меня, а данные российского государственного архива.

Можно было бы еще отвергать события по-

следних 30 лет, свидетелем которых является все наше поколение. Восстание Осетинского дивизиона во Владикавказе г. Хатаева особенно шокирует и он готов как будто бы его вовсе отрицать.

К огорчению Хатаева могу сообщить, что к этим событиям я имел непосредственное касательство, а потому г. Хатаев может быть мне позволит иметь суждение о том, как и во имя чего было подготовлено выступление дивизиона.

Г. Хатаев смело об'являет неправдой мое сообщение о том, что автономная Осетия официально постановила выйти из Р.С.Ф.С.Р. и присоединиться через Грузию к Закавказской Советской Федерации. Сведения эти я почерпнул в Париже из официальной газеты Осетинской Автономной Области «Rastdzinad». На протяжении всего 1924-1925 г.г. вопрос этот со страниц газеты «Rastdzinad» не сходил. В газете подробно сообщались отчеты и резолюции разных осетинских с'ездов, на которых, как водится у большевиков, вопрос проходил «единогласно».

Я обещаю содействовать г. Хатаеву в розыске этих газет здесь за границей, если ему это угодно.

Я несомненно был прав, когда говорил, что люди типа Хатаева не компетентны в наших делах и вводят в заблуждение своих шефов. В особенности это относится к Хатаеву, человеку практически ничего общего с осетинами неимеющему и их языком не владеющему. Духовно Хатаев на 100 процентов русский человек, к чему ему понадобилось здесь вдруг об'явиться специалистом по кавказским и осетинским делам? Хатаев, правда, носит осетинское имя, как его шеф носит персидское имя. Разница между ними только та, что шеф его признавая себя русским патриотом често занимается русским национальным де-

лом, Хатаев же являясь русским человеком по духу, по культуре и по языку и сидя в русской патриотической организации пытается заниматься кавказскими и осетинскими делами.

Легко позволяя себе говорить о чужой совести, совершенно не зная этих людей, Хатаев не подумал о том, что состоя в услужении у младороссов и занимаясь им в угоду осетинскими делами в направлении и стиле, печальной памяти, чайных «Союза Русского Народа» он утратил право на уважение и внимание осетин, сохранивших чувство национальной гордости и личного достоинства... Г.г. младороссам в целях политической спекуляции нужны очевидно и осетинские имена. Г. Хатаев, правда, имени своего не утерял, пишет он его правильно, но за то все другие осетинские имена, названные им, он передает с ошибками, специфически свойственными русским людям при транскрипции наших имен. Настоящий осетин, как бы он ни был безграмотен, таких ошибок не допустит. Хатаев не в большей мере осетин, чем его шеф перс и множество других русских дворян, посящих чисто монголо-татарские фамилии, но от этого не называющих себя татарами.

Г. Хатаев уверяет нас, что он в платные руссофилы еще не попал, с чем мы его и поздравляем. Но это не значит, что он не рискует попасть в их число в будущем. Когда младороссы найдут нужные средства, таких талантливых сотрудников, как Хатаев, оня, надо полагать, не оставят на заводе Рено. Но что бы быть свободным от всяких упреков, Хатаеву следовало бы заниматься русским национальным делом и не вмешиваться в чужие дела. Тогда ему никто не сможет адресовать подобных упреков. Его и руссофилом не будут называть, он будет уважаем, как русский патриот.

Г. Хатаев полагал окончательно нас уничтожить назвав нас «платными руссофобами». Какое наивное ребячество! Словесных громов, особенно таких явно недобросовестных мы уже давно не боимся. Но да будет известно младороссам, что мы никакого фобства к русскому народу не питаем. Мы боремся честно и открыто за освобождение своего народа, за его политическую и государственную независимость. Почему в этом кому-то угодно видеть фобство? Задача наша трудная. Никогда ни один народ ни в Европе, ни в Америке не освобождался без помощи других держав. Эту помощь, в тех самых формах, в каких в свое время ее имели американские колонии Англии, греки, сербы, болгары, поляки, чехи и др., ныне свободные народы, мы действительно ищем и твердо уверены, что в свое время ее найдем. Г. Хатаеву не может быть неизвестно, что есть русские патриотические

организации, которые тоже ищут такую же помощь в борьбе против большевиков и мы их понимаем гораздо больше чем «вторую советскую партию», к которой он принадлежит. Но это особый вопрос. Он касается русских, не нас. В споре с Хатаевым все дело заключается в постановке вопроса кто такой Хатаев? Если верно, что он русский патриот, ему надлежит заниматься русским делом, как и его шефу и он будет нашим уважаемым противником. Заниматься же нашими делами, по совести надо сказать, что он не квалифицирован.

В прошлой своей деятельности Хатаев не оставил никаких следов на Кавказе, в настоящем он мыслить о Кавказе, как настоящий русский «ура-патриот», а в будущем?.. пусть подумает об этом сам Хатаев.

Тамбий Елекхоти.

В поисках доктрины

(ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ)

«Он, что создал свод небесный, он, что властью чудесной
 Людям дух дал безтелесный. — этот мир нам дал в удел.
 Мы владем беспредельным, многоразным, в разном цельным
 Каждый царь наш, в лике дельном, лик Его средь царских дел».

Шота Руставели (перевод К. Д. Бальмонта).

Наша жизнь коротка. Мир вечен и велик бесконечно. Человек в нем, что микроб на земле.

Чтобы понять мировую историю, познать ее законы, надо вознестись на небо и оттуда, всевидящим оком, вне времени и простран-

ства, наблюдать за нашей планетой. Тогда, на мерцающем проблесками маяка, лике ее; на регулярно меняющемся фоне, бесконечно повторяющихся сезонов года, то ослепительно-белом, то весело-пестром, то изумрудно-зеленом, то мрачно-сером, в размеренные ритми-

чески промежутки, как на экране синемаатографа, точно в фильме, пройдут все, пережитые человечеством, события:

Великие переселения народов, то с Севера на Юг, то с Юга на Север и обратно, то с Востока на Запад или с Запада на Восток и обратно.

Рождение, рост, расцвет, падение и гибель сотен Империй.

Чередующиеся одна за другою войны и революции.

Перемещение центра культур, могуществ и цивилизаций.

Не потому-ли Прометей вознесся к богам?

Не ради того-ли сошел к нам, на землю Христос?

Не для того-ли родился пророк Магомет?

Не для того-ли Господь одарил нас Руставели?

Кавказ, это — источник и, в то же время, центр вокруг которого, как в часах, вокруг оси, стрелка отмечает время, размещались очаги всех существовавших цивилизаций: Сумер, Элам, Ассирия, Вавилон, Хеттия, Крит, Египет, Персия, Греция и Византия. Читатель может посчитать меня за безумца, но разве не безумцами казались все, когда-либо высказывавшие самые простые, но непривычные людям мысли?

Разве не чудачеством именовалось то, что впоследствии становилось чудом? Разве не становилось реальностью то, что считалось утопией?

Не наша-ли Родина была Раем?

Не кавказские-ли горы служили обсерваторией Прометею?

Не у нас-ли Ной посадил первый куст винограда?

Не от нас-ли Озирис занес культуру злаков в Египет?

Не на Пасиней-ли, сестре короля Колхиды, женился Минос?

Не наша-ли Цирцея, вторая сестра Ээта, занесла культуру в Рим?

Не нашу-ли Медею увез Язон?

Не к Кавказу-ли стремился Александр Македонский и заблудившись, случайно открыл Индию, как тысяча восемьсот лет позже Христофор Колумб, по пути в Индию наткнулся на Америку?

Не Кавказ-ли дал России: Пушкина, Лермонтова, Грибоедова, Полежаева, Бестужева-Марлинского, Полонского, Толстого, Бородина и... и не ему-ли обязана она ими?

Кавказ, это — вековое, могучее и бессмертное дерево, корни которого уходят глубоко вдаль: к берегам Персидского залива и Красного моря, в Месопотамию к горе Синай, в Крит, в Египет..., а ветви которого раскинувшись над Черным и Средиземным морями разрослись до Бретани, Ирландии, Пиренейских гор.

В разное время и различные эпохи, на корнях и ветвях его обосновывались, но, также быстро и неожиданно, исчезали, как и появлялись, всевозможные паразиты. Иногда, то омела, то плющ, то разнородные грибы разрастались настолько, что за ними, не видно бывало ни ствола, ни ветвей, ни листвы его, а цветы и плоды разносились по миру, как дары с неба, принося славу, почет и богатство тем, в чьих руках они находились. Греко-римская цивилизация, а следовательно и европейская, ныне находящаяся под угрозой — питались соками его, это — аромат цветов и плодов его.

Грузия, душа и сердце Кавказа, как Гелиотроп обращен постоянно к солнцу, как бы невидимыми нитями, всегда беспрестанно и неизменно связана была с перемещавшимся центром всех, человеческих, цивилизаций.

Когда же на Севере, после падения Византии, появилась Москва, самозванно объявив себя Третьим Римом, с ни на чем не обоснованной претензией на наследие ее, то Грузия обманулась, как введен был бы в подобный же обман, по заходе Солнца и при появлении искусственного света — Гелиотроп. Красавица Грузия поверила, как «Красная Шапочка» волку, вероломной Москве и удовлетворяя свою вечную жажду героизма, пошла, искренно, на служение «псевдо-христианской династии, псевдо-Романовых». В своем заблуждении она, чуть чуть совсем и окончательно не погибла и не растворилась в огромном «мужицком море».

На счастье Грузии и Кавказа искусственный свет скоро погас, мираж рассеялся и оказавшись временно в темноте, оглядываясь, то на Запад, то в неуверенности опять на Север, Кавказ, а с ним вместе и Грузия ждут того момента, когда взойдет настоящее солнце. Угадать место его появления, возомнить себя вечным огнем и раздуть его, стать вновь маяком человечества. Сбросить с себя многочисленных паразитов и появиться вновь перед миром в своей естественной и ослепительной красе. Найти язык для выражения всего этого в кратких, точных, не терпящих противоречия лозунгах — вот цель, к которой должны стремиться все кавказцы, не боясь показаться безумцами...

«Еслиб завтра земли нашей путь
 Осветить наше Солнце забыло
 Завтра целый бы мир осветила
 Мысль безумца какого-нибудь»...

Изрек *Беранже*.

Задача наша легче: мы не «безумцы» и мы не «кто-нибудь», а кавказцы.

**

«Les leçons du passé nous apprennent que si l'on trempe sa soupe au cyanure de potassium, on meurt empoisonné.»

Léon Daudet.

Вообразите, что продолжительность человеческой жизни равна лишь шестидесяти дням, или, что земной шар делает оборот вокруг солнца не в 365 дней, а в 365 лет. Разве те, кто родились весной, провели свою жизнь в летний сезон, смогут понять своих предков, кутавшихся зимою от холода? Разве жившие в эпоху созревания плодов способны предвидеть страдную пору будущего их потомства? — «Как медик предвидит периоды начинающейся тифозной лихорадки, основываясь на предшествовавших своих наблюдениях, так и политик по прошлому должен предугадывать будущее» (Леон Додэ). Чтобы руководить нациями и указывать путь человечеству нужно знать прошлое, понимать настоящее и быть способным предвидеть будущее. Для всего этого жизни одного человека недостаточно, ибо ограничиваться одними только ощущениями и потребностями момента — это приговорить себя заранее к полному непониманию той эволюции и развития, которому постоянно подвергается мир.

Время, понятие относительное: Единицей измерения продолжительности жизни наций не может быть ни год, ни даже десятилетия, а могут быть лишь века и даже тысячелетия.

Есть понятия вечные и есть понятия временные. Истина вечна, ничто временное, проходящее не может быть истинным. Революционные движения XIX века, пресловутая «борьба классов», завоевания всяких свобод: слова, печати, собраний, союзов, стачек и т. д., т.-е. все то, что являлось основным

двигателем политических устремлений предшествовавшей нам эпохи и ошибочно принималось людьми за путеводную звезду — суть явления временные и как таковые естественно ввели человечество в заблуждение. Уверенность же в том, что лишь этот способ является единственным путем и безусловно верным средством к достижению *Блага* (вечной цели человеческого стремления) — оказалась иллюзией.

Цель вечна, путь к ней указать могут лишь те, кто неограничен во времени: Прометей, Моисей, Будда, Христос, Магомет, Руставели... Какими жалкими рабами кажутся перед ними: Дидеро, Вольтер, Ж. Ж. Руссо, Бабеф, Карл Маркс, Лев Толстой, Ленин и всякие Троцкие. Нет ничего удивительного, что в столкновении с реальной жизнью наций, все их нелепейшие учения, вся ими надуманная и построенная система, оказалась побежденной.

Европейская цивилизация родилась в результате сношений Востока с Европой в границах античного мира. Мир этот был, как бы единым и цельным организмом и как всякому живому организму, для его нормального развития необходимо правильное кровообращение, так и ему нужна была непрерывная связь и сношения между всеми его частями. Как всякому организму вредны всевозможные опухоли и опасны завозы, так и миру этому принесли лишь несчастье, как народы появлявшиеся, вновь открываемые земли и, как завозы внедрявшиеся новые, чуждые людские группы.

В жизни человечества есть моменты, когда происходят события, завершающие целую эпоху. Было много попыток определить точно число лет заключающихся в определенные циклы. Сотни историков поделали, каждый по своему, мировую историю на те или

ные периоды. Ни век Плиния в 30 лет, ни век Горация в 110 лет недостаточны и нет никакого сомнения, что, как год делится на 12 месяцев, месяц на 4 недели, неделя на 7 суток и т. д., так и в обратном порядке существует какое-то деление и между веком хотя бы Горация в 110 лет и Платоновским периодом в 26.000 лет; должны быть периоды и циклы, может быть в 300-600-1200-2400 лет и т. д.

Одним из подлинных и редких поворотных пунктов мировой истории был 15-ый век; вторым можно считать переживаемый ныне нами 20-ый.

Мир всегда был разделен на двое, как сутки на день и ночь, это: свет и тьма, жизнь и смерть, добро и зло, творчество и разрушение, труд и паразитизм и т. д. Естественно, что и человечество, также, делится на двое, хотя бы уже потому, что есть народы старые, наследовавшие все пережитые человечеством цивилизации и народы недавно появившиеся на историческую сцену. Первые логически являются защитниками духовных ценностей и священных традиций своих мудрых предков, вторые, как инженер без диплома отрицает всякое значение его, чуждые цивилизациям, не только отрицают их ценность, но и стремятся всеми силами разрушить всякое напоминание о них и претендуют на создание какого-то Нового Мира. Так:

«Во имя нашего завтра — сожжем
Рафаэля

Разрушим музеи, растопчем искусства цветы...»

советского поэта Кирилова или всем памятная наверное песня о «Золотой кровати», заканчивающаяся, кажется, словами:

«Наказанью весь мир содрогнется
Ужаснется и сам Сатана»

объясняется тем, что «русские», как в этом сознается сам Я. П. Чаадаев: «явились на свет, как незаконнорожденные дети» и открываются источник «нигилизма» 19-го века, а за ним и его законного детища «большевизма» 20-го века. И то и другое вызвано озлоблением и завистью, а выражается в отрицании прав культурного первородства теми, кто пред'явить этих прав не может.

*
**

«Что судьба нам присудила, нам должно быть это мило».

Неизменно, чтоб ни было, любим мы
родимый край.

У работника работа, у бойца — война
забота.

Если-ж любишь, так без счета верь
любви и в ней сгорай».

Шота Руставели
(пер. К. Бальмонта)

Ни одна нация не может ни процветать, ни даже существовать, вне законов и традиций, которые ее породили.

Традиция, это то, что удавалось веками и прочно укоренилось в народе. Ни ошибки, ни глупости не могут превратиться в традицию.

Какой другой народ сохранил не только тип, язык, песни, обычаи в течение несколь-

ких тысячелетий, но и живые воспоминания о своих великих предках?

Дух Тамары и Шота Руставели до сих пор вдохновляет грузинских патриотов. Гимны солнцу, луне и звездам все еще раздаются по ущелиям Кавказа, не смешавшись, с уже полторы тысячи лет существующими, церковными христианскими песнопениями, точно вековые горы Кавказа обладают способностью бесконечно отражать в вечность отчетливое эхо, сохраняя, таким образом, каждые отдельные звуки для все сменяющихся, но не меняющихся поколений.

*
**

«Вечный, бесконечный, премудрый и благой Бог создал неограниченный по пространству и времени мир; мир отражает в себе бесконечные свойства Бога и представляет собою бесконечное разнообразие... мир есть стройный космос, в котором каждое существо действует согласно своей природе и имеет свое определенное назначение...». Что это? — Не передача-ли в прозе Шота Руставели? — Нет. Это вечная истина, выраженная Джон Локк'ом в конце 17-го века. Так от Прометея до Платона, от Платона до Руставели, от Руставели до Локка и от Локка до наших дней Истина одна и та же.

В. Цицивили (Вазтан Карели).

(Продолжение следует)

Copyright by Shevket Koundoukh and «Caucase».

Мемуары ген. Муса Паши Кундухова

ГЛАВА СЕДЬМАЯ *)

Покорение Закубанцев и переселение в Турцию. — Проект Лорис-Меликова о переселении чеченцев за Терек. — Поездка в Константинополь. — Проезд мой в Одессу и свидание с ген. Коцебу и кн. Воронцовой. — Встреча с Абадзахскими переселенцами и стационарный смотритель. — Свидание мое в Ставрополе с графом Евдокимовым. — Возвращение во Владикавказ и переговоры с Лорис-Меликовым. — Приготовления к переселению. — Чеченские и карабулакские почетные люди.

В том же году Абадзехи, Убыхи и Шапсуги, после долголетней борьбы должны были уступить превосходившей их силе и помириться с условием не препятствовать им к переселению в Турцию.

В том же году более шестидесяти тысяч дворов, оставив все свое движимое и недвижимое имущество безвозмездно в руках русских, отправились в Турцию на плохих судах, нуждаясь во всем необходимом. Многие не найдя его, погибли.

Между тем командующий войсками в Терской области, ген. Лорис-Меликов, горя желанием получить царские награды, представил великому князю проект о переселении чеченцев за Терек и в Малую Кабарду (а Малую Кабардинцев в Большую Кабарду) и для этой цели, с Западного Кавказа начали двигать войска в Чечню.

Положительно узнавши о проекте Лориса и о намерении изначальства, я отправился к Лорису и при разговоре с ним нашел случай спросить его, правда ли, что в нынешнюю зп-

му чеченцев хотят разоружить и переселить за Терек?

На это Лорис, скрывая свой проект, с лукавою улыбкой ответил:

— Да, Ваше Превосходительство, в записках, поданных начальнику главного штаба жалуетесь, что чеченцам оставлено так мало земли, что они существовать там не могут и Его Величество, находя мнение Ваше справедливым и желая обеспечить будущность чеченцев, не находит другого средства как переселить их за Терек, где отдаются им земли в огромном количестве.

— Да согласятся ли охотно на это чеченцы? — заметил я.

— Неужели он так глупы, что не захотят и будут драться? — спросил он.

— Было бы против моей совести, ответил я, не сказать Вашему Превосходительству откровенно того, в чем я убежден: восстанет не только Чечня, но вместе с чеченцами весь Восточный Кавказ и война продлится опять несколько лет с тою только разницею, что теперь матери, бросая детей своих на штыки солдат, будут драться вместе с мужчинами.

*) См. «Кавказ» №№ 1/25, 2/26, 3/27, 4/28, 5/29, 8/32.

Хотя Лорис и был убежден в истине моих слов, но он до такой степени хитрил со мной, что ответил мне на это:

— Чечня будет окружена со всех сторон сильными войсками, которые Его Величеству угодно поручить генералу Кундухову, а я, как начальник края, помогая Вам всеми средствами, буду с Владикавказа или с Грозной любоваться вашими успехами. Его Высочество убежден, что никто лучше Вас не сможет выполнить этого весьма важного поручения.

Поблагодарив его за такое высокое обо мне мнение, я сказал ему, что решительно отказываюсь от этой чести, потому что не более года тому назад как я вручил чеченскому народу грамоту, уверяя его устами моего Монарха, что все статьи ее во веки веков будут свято сохранены. Теперь, если Его Высочество действительно имеет в виду назначить меня командующим войсками Чеченского отряда, то это, как мне кажется, единственно потому, что я пользуюсь доверием чеченского народа и он, зная это, полагает, что переселение их состоится без большого шума.

— Но будьте, Ваше Превосходительство, судьей: могу ли я после врученного мною им акта требовать от чеченцев к себе доверия и не краснее говорить с ними и советовать им оставить, вопреки их желанию, их Чечню и переселиться за Терек, чего они как известно Вам и всем боятся более смертного приговора?

Лорис был крайне удивлен, что я отказываюсь от поручения Великого Князя и просил меня принять его дружеский совет, не говорить этого в другом месте.

Когда же я его убедил, что нет награды и наказания, которые могли бы заставить меня согласиться на сказанное поручение, Лорис ловко соскочил со своего кресла и указав пальцем на мое сердце, вскричал:

— Вот! там сидит черт!

Я невольно улыбнулся, чем удвоил его удивление.

Он задумался и после долгого, глубокого молчания заметил:

— Друг мой, нам кавказским уроженцам, надо быть очень и очень осторожными в своих выражениях и действиях, иначе легко можем потерять доверие начальства и нажить врагов.

— Я их и теперь имею много, — сказал я.

В это время подали нам чай и у Лориса (с папирской во рту) родилась прекрасная мысль просить меня указать делу этому по моему разумению лучший исход.

Здесь я посоветовал ему обратить внимание на все жертвы, понесенные правительством и черкесами на Западном Кавказе и на то, чем все это кончилось. Во избежание бесполезного кровопролития я рекомендовал ему ходатайствовать у Великого Князя дозволения желающим переселяться в Турцию, объявив всенародно, что нежелающие русского подданства могут переходить в Турцию. Я убедил его в том, что из Чечни много переселится народу и тем водворится в крае желанное спокойствие, каковое обстоятельство даст ему право на награду.*) Он согласился представить мое мнение начальнику главного штаба, который, получив письмо Лориса потребовал меня в Тифлис.

Прибыв в Тифлис я немедленно явился к начальнику штаба. Во время разговора генерал Карцев мне между прочим сказал:

— Генерал Лорис-Меликов легко составил проект об очищении чеченского леса от чеченцев и о переселении их за Терек, а теперь когда проект этот утвержден Государем Импе-

*) Я его не обманул: он сумел за переселение чеченцев получить генерал-адъютантское звание.

ратором и нам надо его исполнить он от него почти отказывается.

Тут я не пощадил Лориса и убедил ясными доводами ген. Карцова в пользу и необходимости согласиться на переселение горцев из Терской области в Турцию.

По докладу начальника штаба Его Высочество одобрил мое мнение и поручил ген. Карпову предложить мне приступить к исполнению его.

Хотя я не говорил об этом с почетными чеченскими старшинами, но предчувствие убеждало меня, что чеченцы послушают моего совета и я с восторгом согласился с тем, однако, чтобы мне сначала было дозволено поехать в Константинополь и узвать там согласие турецкого правительства на прием чеченцев и на отвод им помещений.

Получив на это позволение Великого Князя, заграничный паспорт и тысячу рублей депозитами на прогоны и расходы, я в июле месяце отправился из Тифлиса прямо в Стамбул.

В Константинополе я остановился в гостинице «Дориан», и, узнав та мот мухаджиров *) о выгодном положении вообще всех кавказских переселенцев, отправился в полной генеральской форме к министру иностранных дел Али-паше, у которого встретил очень ласковый прием, подал ему на бумаге обнаруженную истину о положении всех кавказских горцев и о искреннем желании чеченцев переселиться в Турцию, прося им милостивого приема и удобного помещения.

Али-паша, прочитав мое прошение из'явил мою готовность сделать для кавказских горцев все, что может им быть полезным и предложил мне отправиться к содразаму **) Фуат-паше.

На другой день я представился и Фуат-паше. Он также обрадовал меня очень ласковым приемом и советовал всем кавказским горцам признаться в невозможности продолжать войну с русскими и переселиться в Турцию, предсказываю им счастливую будущность.

Ожидая ответа на докладную записку мою, через 15 дней я получил приглашение от Али-паша, который об'явил мне, что высокое турецкое правительство охотно соглашается принять из кавказских мусульман каждый год по пять тысяч дворов, с тем, чтобы они не приходили вместе разом, а отдельными партиями, дабы правительство имело время удобно размещать их на местах жительства.

От глубины сердца моего поблагодарив министра я попросил его также, чтобы чеченцы были поселены вместе, не раздробляя их по примеру черкесов по разным округам, на что Его Светлость также из'явил согласие.

При этом Али-паша, указывая на ордена мои, обратился ко мне со следующими словами:

— Приятно видеть единовеца своего с такими заслугами, но жаль, что на иностранной службе, тогда как долг мусульманина служить миллету *) Ислама, под знаменами Пророка нашего.

— В числе моих соотечественников, потерявших сладкую надежду удержать за собою наш Кавказ и я постараюсь выполнить свой долг, ответил я.

Али-паша был очень доволен и взяв меня за руку, сказал мне, что я не буду раскисать.

Простившись с Али-пашей я отправился к Фуат-паше, и он, прощаясь со мной, сказал почти слово в слово то же, что было сказано Али-пашей относительно долга мусульманина.

*) Нации.

*) Эмигрантов.

**) Великому визирю.

От Садразама я отправился к Гуссейн-паше (из убыхов — фамилия Берзех) и нашел у него брата известного Хафиз-паша, Али-пашу (он также из убыхов). Они оба, принимая живое участие в положении соотечественников, просили меня не торопиться с переселением, ожидая скоро войны турок и французов с Россией, в чем, как они выражались, утешает князь Чарторыжский, который недавно через Стамбул поехал в Египет.

Обещав им ожидать до раз'яснения этого слуха я отправился к бывшему Садразаму Кайрисли-паше, у которого был и прежде с визитом. Он, не знаю почему, более других желал моего личного перехода в Турцию и взял от меня слово, что я при возможности не останусь на русской службе.

Таким образом после сорока-пятидневного пребывания моего в Стамбуле я отправился на пароходе «Константин» в Одессу, где воспитывались сын и племянник мой. Оба встретили меня на берегу моря и сын мой Арслан-бек тут же передал мне поклон от Великого Князя Михаила, который, ехавши из Петербурга в Тифлис, видел сына моего в доме генерал-губернатора Коцебу.

Из поклона, коим удостоил меня Его Высочество я заключил, что он очень желает переселения горцев из Терской области и поощряет мое усердие к успеху.

Заняв номера в гостинице я отправился к генерал-губернатору Коцебу, который, будучи долго на Кавказе начальником главного штаба, постоянно удостаивал меня своим добрым вниманием. Он иногда рассуждая о мерах принимаемых правительством на Кавказе, высказывал:

— Мы ко стыду нашему не сумеем покорить горцев и водвориться на Кавказе так, как бы следовало для блага его народов и России.

Так же и здесь он мне сказал:

— Что же мы приобрели на Кавказе? Лучшим его племенам мы не сумели внушить к себе доверия и отдаем их туркам. В земле России не нуждается. Вот у меня в округе столько пустопорожней земли, что ищем поселенцев и не находим. Да! пойдем да поздно.

Простившись с Коцебу я отправился к княгине Воронцовой.

Она, как выше сказано, на Кавказе ко мне благоволила. Княгиня после смерти знаменитого мужа своего отказалась от всего светского и до того сделалась набожной христианкой, что, кроме религиозного, ни о чем не хотела говорить и слышать и тотчас же с любопытством спросила меня:

— Правда ли, генерал, что в Константинополе многие из мусульман стали переходить в протестантскую религию, и что в числе их Фуат-паша?

— Говорят, что из армян многие переходят, но о Фуат-паше не слышал, ответил я.

— Радуюсь, что свет христианский начал проникать и в Турцию, сказала она.

Как только она окончила разговор, я поспешил откланяться и уехал, боясь, чтобы она не спросила моего мнения о турецких протестантах.

Вечером сын мой спросил меня, зачем я ездил в Стамбул. Я открыл ему свое намерение переселиться в Турцию и тем предоставить потомству нашему случай и возможность искать с помощью миллета Ислама вернуть нам священный Кавказ. Услышав это бедняк так был обрадован, что со слезами бросился ко мне в объятия и начал благодарить меня за это.

Желая знать его мнение я спросил:

— Чем же ты так напуган здесь? Ведь ты сын генерала, достаточно пользуешься выгодами жизни и неотъемлемыми правами русского дворянина.

— Ах, отец, — ответил он, — разве при всех личных выгодах своих могу я быть счастливым в среде несчастных близких сердцу родных и народа.

При разговоре этом, заметив слезы в глазах девятилетнего племянника моего Ахмета, я тотчас же прекратил его и обрадовал обоих тем, что приказал им оставаться в Одессе и учиться только до 1-го марта, а потом ехать домой.

На грустной сцене этой я убедился, что дети мои, позвав русское правительство сердцем и душою, твердо будут переносить нужду, могущую встретить их вне родины.

На другой день морем до Керчи, а оттуда в своем экипаже, я продолжал путь свой до Владикавказа.

На одной из почтовых станций я встретился с абадзехскими переселенцами, не успевшими переселиться в прошлом году. Когда я раздавал там мальчикам деньги на орехи, смотритель той станции, по всей вероятности, заметив во мне смущение, подошел ко мне также со слезами и взволнованный чувством недоговорения сказал:

— Ваше Превосходительство, какое сердце не заплачет, видя эту печальную картину. Ведь надо Бога бояться. Земля их родная, зачем мы их гоним Бог знает куда? Я их спрашиваю, куда они едут. Говорят, что в Турцию, но что с ними будет там они сами не знают.

На сказанного смотрителем я убедился в том, что правительство русское поступает в действиях своих против русской природы.

Приехав в гор. Ставрополь я остановился у командующего войсками гр. Евдокимова.*)

Он хорошо знал генерала Лориса (называл

его армяшкой), из любви ко мне советовал мне решительно ни в чем ему не верить и быть осторожным с ним в делах и разговорах.

Он был доволен моим личным переселением в Турцию. (Тайну эту еще никто не знал из начальствующих лиц).

В первых числах октября я приехал во Владикавказ. Явился к Лорису и сообщил ему о согласии Порты охотно принять кавказских переселенцев в Турцию. Он в тот же день донес об этом начальнику главного штаба ген. Карцову, через которого получил приказание Великого Князя держать это в секрете до особого распоряжения (по всей вероятности, пока русское правительство не снесется об этом с Портою). Между тем Лориса потребовали в Тифлис, а я отправился к себе домой.

24 октября 1864 года я получил письмо от Лориса с приглашением меня к нему во Владикавказ. По моем приезде Лорис рассказал мне, что Великий Князь из Константинополя получил от Полномочного Министра Игнатьева подробные сведения о моих тайных переговорах с турецким правительством относительно переселения кавказских горцев в Турцию и что Его Высочество смеясь сказал: «Мы не предупредив Министра о поездке туда ген. Кундухова сильно подшутили над ним».

Затем Лорис сказал мне:

— Его Высочество очень и очень доволен Вами, но вместе с тем сильно тревожится, опасаясь беспорядков в Чечне и вообще в крае. И в самом деле есть о чем подумать. Сохрани Бог, если чтонибудь случится подобное, то само собою разумеется, что все это падет на нас с Вами.

Тут я решился открыть Лорису возжеленное мое желание и сказал ему, что раз приняв на себя устройство этого переселения, готов делать все, что может осуществить его

*) Он покорила Чечню и Западный Кавказ; несмотря на это горцы любили его и уважали, видя в нем правдивого, умного и храброго человека.

без кровопролития. Как мне кажется для этого ничего больше не нужно делать как только стать самому со всеми родственниками во главе переселенцев.

— «Бог мой! — воскликнул Борис — неужели вы готовы на это решиться?».

Убедившись, что я готов пожертвовать всем своим состоянием для того, чтобы исполнить удачно желаемое переселение, он сказал:

— Да! это большая жертва с Вашей стороны. Вы, открыв долголетнюю службу завидную карьеру, согласны ее потерять. Да кажется мне, что ни Великий Князь, ни Государь Император не согласятся на Ваше переселение.

— В таком случае не могу ручаться за успех, ответил я.

— Зачем же Вы поторопились принять поручение и поехать в Константинополь, сказал он.

— Затем, что я не предвидел того, чего и теперь не понимаю: какое может встретиться препятствие к моему переселению. Согласитесь, что в этом никто ничего не теряет, а если есть здесь потери, то теряет только Муса, больше никто, ответил я.

Считаю лишним продолжать здесь изложение нашего спора о возможности и невозможности личного моего переселения. Спор наш кончился тем, что Лорис на другой же день поехал в Тифлис к Великому князю единственно по этому делу и через четыре дня, возвратившись назад, обрадовал меня, что Его Высочество не находит большого затруднения в моем переселении, если только иначе нельзя будет устроить дела. *)

В конце февраля 1865 года Лорис получил

*) Было бы против моей совести остаться на Кавказе и быть действующим лицом в неминуемо предстоявшей, вследствие проекта ничем не гнушавшегося человека, губительной для чеченцев войне.

приказание Великого Князя приступить к подготовке чеченцев к переселению. Вместе с этим всем начальникам областей было предписано следить за движением вверенных им народов.

Также и я получил от Лориса официальное письмо о начатии переселения. Не теряя времени пригласил я к себе в дом чеченского многоуважаемого наиба Саадулгу и почетного карабулакского старшину Алажуко Цугова с почетными людьми. Объяснив им прошлое и настоящее их положение я спросил их, что ожидает их в будущем на Кавказе.

Они в один голос ответили, что кроме нищеты и обращения в христианство ничего лучшего не предвидит. Убедив их в истине этой, я предложил им оставить со слезами Кавказ и переселиться со мной в Турцию, где правда, не найдем таких удобных земель, какими завладели у нас по праву сильные русские, но где при труде не будем иметь ни в чем недостатка и будем всегда готовы, как только представится случай, с помощью турок прогнать врага нашего с Кавказа.

Когда некоторые из них предпочитая скорее расстаться с жизнью нежели с родиной начали говорить в пользу восстания (попробовать еще раз свое счастье), то я им сделал следующий вывод:

— Мы знаем, сказал я, что на земном шаре нет нации, стоящей ниже евреев. Все народы название их употребляют вместо многозначительного ругательства. Всякий назвавши в порыве сильного гнева противника своего не только в глаза, но за несколько сот и тысяч верст жидом, чувствует, что гнев его смягчается. Но между тем было бы несправедливо отрицать, что в этой нации есть много честных, умных, образованных и благомыслящих людей. Следовательно дело в том, что эти несчастные жида не имеют своего

отечества, не на что им опираться, нечем гордиться и не к чему им стремиться; вот по этой то несчастной причине лишились они даже человеческого достоинства и униженно жи-

вут и хлопочут только для живота своего под гнетом народов, на земле коих они живут.

М. Буидухов.

(Продолжение следует)

Роль грузинских меньшевиков в подготовке к войне 1921 года

(Окончание)*

Говорят о моральном значении гибели этих двух батальонов. Это верно. Но это, как всегда на войне, гораздо сильнее подействовало на тыл, чем на войска; войска после 11-го февраля еще дрались не менее трех дней около Садахло, и дрались не без некоторого успеха; — южнее Садахло было наступление и взятие довольно большой вершины, господствовавшей над Садахло; на левом фланге один из гвардейских батальонов взял, после горячего и удачного боя, вершину *Кизил-Кая*, господствовавшую над Керцели... Все это не указывало вовсе на уныние и деморализацию наших войск, гибель двух батальонов была объяснена войсками правильно: говорили, что офицеры подружились с армиями, бражничали с ними и крестили у них детей, когда они готовили им гибель. И, досадуя на своих товарищей, войска вовсе не повесили нос, как показывают только что упомянутые факты. Наоборот, тыл, как всегда и везде это делает тыл, *быстро пал духом*, и открыл поле действия клевете и панике: армия была еще спокойна, когда правительство было уже в панике и искало спасителей.

После 11-го февраля войска И. Гедеванова, как и до этого числа, продолжали нести роль авангардов, прикрывавших активными

действиями продолжающееся медленное сосредоточение под Тифлисом остальных войск. По моему приказу должны были подойти еще два батальона гвардии и пять батальонов армии (1-ый, 9-ый, 4-ый и 10-ый и Караульный). Успели подойти к 14-му февраля только два батальона гвардии и 1-ый батальон армии; остальные замедлили по многим уважительным причинам. 14-го был бой. Нас разбили, причин этому было много. Но главная причина та, что 6.000 неустроенных войск, голодных, не одетых, не готовившихся к войне должным образом, без обозов и с уменьшенной и ослабленной еще до начала войны артиллерией, не могли не быть разбитыми 30.000-ми хорошо снабженными, давно готовившимися к войне с нами войсками. Я не ставлю вам описывать подробностей боев, ибо бой вел не я, а Гедеванов — для этого, он был назначен самим Советом Обороны — он и должен был это делать, вопреки мнению Н. Жордания. Мне не дали ни времени, ни возможности потребовать от него отчета и потому и я вам не могу представить его.

Разбитые войска в беспорядке подошли к р. Храму, где продержались один день, а потом к позициям на Ялгуджа; к этому времени подошли 9-ый и Караульный батальоны, которые и послужили опорой для приведения

* См. «Кавказ», №№ 1/25, 3/27, 5/29, 9/33.

войск в порядок. Затем войска, которые я начал сосредотачивать подошли без меня уже к Тифлису. И отряд в 9.600 человек, из которых свежих было не более 2.500 человек, остальные 7.100, т.-е. более 3/4 всего отряда были старые Садахлинские, восемь дней храбро и бодро защищали Тифлис. Признаков деморализации, разложения и разброда, не видели его и вы. Напротив, был большой подъем духа, сообщавшийся и горожанам. Следы Щинихских и Санаинских неудач несомненно изгладились. Так зачем-же вы говорите, а некоторые заинтересованные, в том числе и некоторые мои товарищи, кто громко, а кто шепотом повторяли и повторяют до сих пор: «Да, не потеряй Одишилидзе пол армии в Санаинском ущельи, конечно, дело пошло бы не так». Если вы, г.г. политики, и мои товарищи по мундиру, и кричавшие, шептавшие, и благоговейно молчавшие перед великим нашим общим несчастьем, *) если вы честные люди, вы скажете, что в авангардных несчастьях наших и Одишилидзе, конечно, виноват, как всякий генерал, взявшийся за явно ненадежное дело — руководить действиями крошечной, голодной, раздетой и плохо снабженной армии, против нескольких армий, превосходивших ее вшестеро, взявшийся быть главнокомандующим почти не существующей армии. Но в поражениях наших виноваты другие лица, а в разложении нашей армии другие обстоятельства. У лиц, виновных в нашем общем и наших частных поражениях, найдутся очень и очень обстоятельные объяснения и оправдания, и они их вам и всей нашей нации, конечно, представят своевременно; по свою личную вину они, все-таки, принуждены будут признать публично, перед судом, наде-

юсь, который необходим. Обстоятельством же, послужившим поводом и главной причиной деморализации — разложения всех фронтов и разброда всей армии по домам, послужило, как громко должен сказать всякий честный грузин, *отступление от Тифлиса*, неожиданное и непопятное для армии и для народа. Оно имело, надо полагать, некоторые основания. Этому стремительному, начиная от Авчал разложению нашей армии очень помогла и пассивная, отступательная тактика нового главнокомандующего, который, без сомнения, имел к тому свои основания. В своем словесном докладе правительству за много месяцев до войны и в своих письменных докладах и в ноябре 1920 года и 3-го января 1921 года я говорил буквально следующее: «Образ действий наших войск должен быть исключительно активным... Это вызывается с одной стороны нашим стратегическим положением, с другой — характером противника... а также характером и свойствами нашего солдата, способного к порыву, к стремительности, но не любящего длительных испытаний».

Этого мнения насчет действий нашей армии и насчет свойств нашего народа и нашего солдата я придерживаюсь и теперь. Насчет нашего народа я должен сказать еще одно, прямо противоположное тому, что говорят и будут говорить те, которым нужны голоса народные... Наш народ в эту войну показал и свои исторические положительные стороны, и, в особенности, свои исторические отрицательные стороны: в 1921 году, как много раз во всю нашу трехтысячелетнюю историю, он не вполне выполнил свой долг перед самим собою. Вы знаете — и здесь есть этому живые свидетели — ген. Кониев и Джугели — что гвардейцы, эти сознательнейшие и избранные представители нашего рабочего и крестьянского класса, не умели быть выдержан-

*) Таких, к нашей чести, было громадное большинство, насколько я знаю.

ными и послушными солдатами у нас в Грузии, но в русской армии они были хороши (большая часть из них старые русские солдаты); вы знаете, что они много раз, во всех наших войнах, ночью оставляли ночные позиции, чтобы спать в деревне, и этим вредили и мешали тактическим соображениям командного состава и боевым действиям вообще; вы знаете, что они иногда в составе целых частей предательски и самовольно бросали важнейшие позиции и тем перемешивали карты нам и помогали противнику. Я сам собственными ушами слышал во Мцхете оправдания беглов-гвардейцев, открыто говоривших: мы дрались целую неделю, теперь пусть другие дерутся. И жители кивали этому одобрительно головами.

Вы многое еще знаете о них, в особенности вы, т.г. чины штаба Народной Гвардии, чего не знаю ни я, ни вся Грузия, но что вы, конечно, не поставите гвардии в плюс. Не отставала от гвардии и армия. История 8-го полка целиком попавшего в плен, расследованная следователем, покажет вам несомненно нечто, что вас заставит позабыть злостную и непродуманную легенду о том, что я разбросал наши силы и тем загубил пол армии... 7-ой полк в одном из боев между 11-ым и 14-ым февраля, ни с того, ни с сего, не имея перед своим фронтом даже неприятеля, весь, целиком бросил свои позиции и удрал назад. Об этом мне доложил сам И. Гедеванов лично. На Сухумском фронте 300 мингрельцев-армейцев со всем своим оружием перебежали на сторону русских. Об этом вам расскажет Учадзе, бывший в то время, кажется, на территории русской IX армии. На том же Сухумском фронте, как свидетельствует Виктор Жгенти, посланный туда правительством с диктаторскими полномочиями, все 1.400 солдат Сухумского фронта, после отхода за

р. Бзыбь, ушли с фронта, оставив 120 человек своих офицеров одних на фронте; одни только офицеры не покинули фронта. Возвращенные Виктором Жгенти на фронт, солдаты, в конце концов, все-таки, в громадной своей части, разошлись по домам. Я лично вам могу засвидетельствовать, что в то время, как вся наша армия и наша гвардия, после отступления от Тифлиса, уже не воевала и расходилась по домам, и дома, с любопытством и с какой-то надеждой, ждала вместе со всей крестьянской массой большевиков, в Мингрелии, где я в это время ездил по поручению военного министра, на просторстве Сухум-Анаклия-Зугдиды. Мингрельцы с радостными лицами говорили друг другу: «Ничего, придут они (т.-е. большевики-русские) и принесут нам 20-ти копеечный сахар и 15-ти копеечный ситец, жить станет лучше».

Как ни объясняйте и как ни извиняйте эти факты, они все-таки, факты... И очень большие факторы (в числе прочих, конечно), наших поражений и потери нашей самостоятельности.

Наряду с великой виной наших политических вождей, грузинский народ очень много виноват и сам перед самим собой. Указывая пальцем на своих генералов, как на единственных виновников нашего горького несчастья, наш народ и, в особенности его избранные (в том числе и Вешатели, и Месхонвили — эти красноречивые ораторы и обличители с.-д. партии в Батумском последнем заседании Учредительного Собрания) и его вождь не в состоянии одну тысячную доли вины генералов, превратить в 999 тысячных своей собственной вины; и их «неспособность» приравнять к своей действительной неспособности создать армию и даже кормить, одевать и вооружить эту армию, — обязанность, которую

они всецело взяли на себя и никогда не возлагали на генералов, которых они держали только на побегушках, обещая лучшую роль в будущем, когда все само собой образуется. И действительно история сама собой все делает и грузины будут существовать вопреки своим ошибкам и ошибкам своих вождей: история дала, как в начале нашего свободного существования, так и в самом конце его горький-прегорький, тяжелый-претяжелый, но очень поучительный урок всему народу. Не

упустите, г.г. избранники народа, случая поучиться у нее: это необходимо, конечно, и нам, генералам, которым вы не давали возможности быть военными вождями народа, но вы сами видите — это особенно необходимо вам, политическим вождям народа.

И. Обишвилидзе.

3-го марта 1932 г.

Г. Кон-поль.

Обзор печати

Г. ГАБРИЕЛЯН — ИСТОРИК АРМЕНИИ

В «Известиях» от 14-го июля небезызвестный армянский коммунист, Г. Габриелян, в серии «История народов СССР», дает некоторые исторические данные об армянах. Приводим из этой статьи и без всяких комментариев, наиболее интересные и важные места.

Прежде всего, о происхождении и первых моментах армянской государственности:

«Полагают, что армяне происходят из европейских племен, которые приблизительно в VIII-IX веке до нашей эры занимали область нынешней Кейсарии, составлявшей тогда часть древней Киликии. Переселились они на свою родину в VI-VII веках.

В древней Армении до появления переселившихся с запада армян, жили халды, имевшие довольно развитую земледельческую, скотоводческую и металлургическую культуру...

Завоевание Александром Македонским Персии, а следовательно и Армении, которая находилась под его влиянием (330 год до нашей эры), и образование на Востоке монархии Селевкидов положило начало новой эпохе, как в хозяйственной, так и в политической жизни Армении. Эллинские народы принесли с собой новую культуру...

Во II-ом веке до нашей эры сильно окрепла и расширилась Большая Армения, которая при Тигране Великом не только слилась в одно политическое целое с остальными частями Армении, но и расширила свои границы до Средиземного моря. Этим самым объективно была создана почва для более тесного общения Закавказья с эллинскими центрами в Сирии и Месопотамии.

С этого времени начинается распространение среди армян греческой культуры, особенно усилившейся после побе-

ды Помпея на Востоке. Включившись в число «друзей» и «союзников» Римской империи, Армения в течение почти целого века находилась в сфере влияния Рима...

Но бесконечная борьба между Римом и Персией за овладение Арменией, через которую проходил северный путь мировой транзитной торговли, усиление классовой борьбы, связанное с проникновением в Армению христианства, которое в IV-м веке стало уже государственной религией, привели городское античное хозяйство к почти окончательному распаду.

Таким образом, IV век стал новым поворотным пунктом в истории Армении. Персидский царь Шапур, связанный с влиятельными армянскими княжескими родами, вовлек страну в опустошительные войны, в результате которых Армения превратилась в деревенскую страну с замкнутым натуральным хозяйством...

Со второй половины IX века в результате постепенного распада арабского халифата и усиления Византии опять начинается расцвет городского хозяйства Армении.

В конце первой половины XI века в жизни армянского народа происходит новое событие. Наступая из Азербайджана, сельджуки опустошают всю страну (1048-1071 г.г.). После сельджуков появляются персы и турки, и страна становится ядром раздора между этими восточными державами.

Лишь в XIII веке под покровительством Грузии начинается политическое возрождение феодальной Армении. Наступает новый расцвет армянской куль-

туры. Широко проникает в Армению арабо-персидская цивилизация, возникает светское течение в армянской литературе, создается средневековая армянская лирика и т. д. Однако все это продолжается недолго.

В XV веке экономическое положение Армении вновь сильно ухудшается. Налоги возрастают до небывалой степени. Каждый феодал устанавливает и взывает столько налогов, сколько он сам считает необходимым. Дело доходит до того, что монгольский хан Абу-Саид, тогдашний владетель Армении, особым указом запрещает незаконные взывания налогов...

В XV веке Арменией завладели кочевые туркменские племена, и в опустошенных армянских областях, вместо коренных жителей, постепенно расселились турки, курды и туркмены. Началась эмиграция армян, главным образом, горожан и господствующих слоев населения. Почти во всех концах мира образовались армянские колонии, которые имели исключительно торгово - капиталистический характер...

Особый понятный интерес представляет часть, касающаяся новейшей истории армянского народа, главным образом, эпохи русско-армянского «флирта». Данные эти могли бы быть с успехом прибавлены к печальным выводам, отмеченным по отношению к грузинам нашим сотрудником Т. Елекхоти в его чрезвычайно интересных и горько-правдивых статьях «Грузия между Севером и Югом» в прошлых номерах «Кавказа», где он так мастерски разбивает в пух и прах любительские экскурсии кн. Дата Вачнадзе в область истории и политики. Вот что пишет г. Габриелян:

«Армянская буржуазия в XVIII веке была значительной экономической силой. Она искала соответствующих условий для развития своей деятельности и обширных рынков для своих товаров. Россия в этом отношении была самой подходящей почвой. Она представляла собой не только большой рынок, но, что важнее, могучую политическую силу, ближневосточная политика которой совпадала с интересами армянской буржуазии (курсив везде наш. Ред.)».

Еще в XVII веке армянские купцы обращались к русским царям с просьбой, чтобы они «пожаловали» и «велели» им «возить шелк-сырец и другие персидские товары».

Русские цари (Петр I), заинтересованные в развитии торговли, не могли пропустить этот случай осуществления своей завоевательной политики. Они объявили себя «друзьями» армянского народа и начали «ласково» относиться к нему. В своем указе сенату в 1711 году Петр I предлагал «армян как возможно приласкать и облегчить в чем пристойно, дабы тем подать охоту для большего их приезда».

В 1722 г. армянские мелики (князья) в Карабахе и Кафаге организовали восстание против персов, полагая, что русский царь поможет им восстановить утерянную политическую независимость. Но русский царизм меньше всего интересовался политической судьбой армянского народа, а представители армянского духовенства и торгово-феодалных классов делали все, чтобы облегчить завоевание Армении Россией.

Еще в конце XVIII века, под влия-

нием русской пропаганды, в Гандзасарском монастыре (Нагорный Карабах) имело место тайное совещание армянской знати, которая обратилась к Потемкину, прося немедленно вступить в Карабах для завоевания страны. В 1826 г., когда вспыхнула русско-персидская война, армянская знать, под руководством архиепископа Нерсеса Аштаракского организовала добровольческие отряды, которые совместно с войсками генерала Паскевича в 1827 г. заняли Эривань.

Народ уверяли, что русский солдат принесет с собой свободу и спокойный труд. Однако, очень скоро выяснилось, что народ был обманут. Его представители писали Николаю I: «Положение наше таково, что как будто мы пленены и уведены в Персию... Знай же теперь, что мы, весь южаринский народ, в руках полиции находимся в состоянии рабства».

Представители тогдашней передовой интеллигенции, как например, первый армянский светский просветитель Хачатур Абовьян, искренно полагали, что после завоевания Армении Россией, армяне получат большую возможность общения с европейской культурой и большую политическую свободу организации своей внутренней жизни.

Таким образом, «национально-освободительное» движение, судьбу которого армянская знать связывала с успехом русской колониальной политики, лишь укрепляло национальное унижение армянского народа»...

Дальше идет справка о национально-революционном движении среди армян, как в

Росси, так и в Турции. Сделав известный резерв относительно неизбежного для всякого советского историка реверанса в сторону социализма - коммунизма, со Сталиным во главе, приводим также и эту часть очерка Габриеляна для документации читателей.

«Выдающийся представитель армянской революционной демократии Микаел Налбандян, в 60-х годах прошлого века указал новый путь для освободительного движения своего народа.

«Старый путь был ложный путь, — говорил Налбандян. — Русские цари не могли и не могут освободить армян, потому что это противоречит интересам господствующих классов России. Путь освобождения армян — это совместная борьба с русским народом против царизма, угнетателя многих народов». Для организации восстания Налбандян вошел в тесную связь с Герценом, Бакуниным, Огаревым и другими, однако, вскоре он был арестован и выслан в Камышин, где и умер в 1866 году.

После Налбандяна революционное движение не замерло. В 1868 г. в Александрополе (ныне Ленинакан) учитель Крейтцян организовал тайный союз. Задачей его было, путем борьбы с русским самодержавием, пробуждать национальное самосознание армян и этим самым подготовить их к освобождению от гнета царизма.

В 1875 г. в городе Ване возникает новая тайная организация. В отличие от других она развертывает огромную организационно - пропагандистскую ра-

боту в селах, пытаясь втянуть деревню в политическую борьбу за самоопределение народа.

В начале 80-х годов в Эрзеруме возникает другая организация, имеющая народнический характер. Наконец, в 1882 г., под влиянием русских народников, студенты-армяне организуют в Москве «союз патриотов». В своем воззвании и подпольно выпускаемой газете, этот союз объявляет врагами цивилизации как русский царизм, так и турецкого султана.

В 1885 г. аналогичная организация возникает в Тифлисе. В это время как раз началось гонение против армянских школ, и в воззвании по этому поводу упомянутый союз призывает армян не надеяться на помощь извне, а организованно выступить против русского деспотизма — врага цивилизации и свободы народов.

Идеолог армянской либеральной буржуазии Степанос Назарянц бросает в это время лозунг, что «армяне политически являются русскими». А Григо Отян в Константинополе утверждает, что «армяне политически суть турки».

В обоих случаях лидеры армянской буржуазии самовольно расписывались за русский и армянский народы, которые вовсе не желали, чтобы армяне перестали существовать как нация и политическая единица. Сам армянский народ тоже этого не хотел, и на этой почве

вспыхнули возстания в Зейтуне (1862 г.), Эрзеруме (1881 г.), Сасуне (1893 г.). А в 1880 г., в связи с закрытием армянских школ, были отмечены отдельные волнения и в русской части Армении...

В 1891 г. возникла первая, самая крупная политическая партия среди армян — «мелкобуржуазно-националистическая» (Ленин) партия «дашнакцутюн», объявившая себя единственным борцом за политическое освобождение армянского народа. В действительности же она сыграла «подобно русским меньшевикам и эсерам, а также меньшевикам и эсерам других национальностей, предательскую роль в отношении своего народа» (Молотов).

Когда вспыхнула империалистическая война, дашнаки, успевшие переродиться за это время в крупно-буржуазную партию, втянули армянский народ в эту опустошительную войну, в которой погибло больше половины трудового армянского населения.

А когда победила пролетарская революция в России, дашнаки, при помощи германо-турецкого империализма, объединившись с грузинскими меньшевиками и азербайджанскими мусаватистами, организовали свою «республику». Эта «республика» была ничем иным, как контр-революционным оплотом Деникина и Антанты, яростно боровшейся против революционного движения пролетариата Востока.

Интересы трудового народа, вопросы его национальной свободы дашнаки похоронили ради защиты и в угоду интересам крупной армянской буржуазии и своих империалистических хозяев...

Кончает автор обычной хвалой по поводу

«второго возрождения» армянского народа, ставшего «настоящей творческой силой коммунизма» и т. д.

К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ИЛЬИ ЧАВЧАВАДЗЕ

В будущем 1937 году исполнится 100 лет со дня рождения и 30 лет со дня смерти великого сына Грузии Ильи Чавчавадзе. В тяжелых и мрачных условиях подневолья готовится Грузия к празднованию этого дня. Университетом, научными и культурными учреждениями создан специальный комитет. Подготовительная работа — главным образом собиранье материалов, касающихся эпохи и деятельности покойного, втянула уже широкие круги и, без сомнения, ознаменованье этого дня превратится в большое национальное событие.

Национальная кавказская эмиграция (не только грузинская) не может остаться в стороне. Многие вынесли личные впечатления об Илье Чавчавадзе — жили в его окружении, сформировались под духовным его влиянием, наблюдали зарождение образов и развитие мыслей великого поэта и писателя — и должны поделиться своими воспоминаниями, с теми, кому этого счастья не было дано.

Всякая житейская мелочь ценна. Все имеет значение, когда речь идет о таком человеке, как кн. И. Чавчавадзе.

Бывший посланник Грузии в Берлине и известный политический и общественный деятель Д-р Вл. Ахметели поместил в № 21 «Клдэ» призыв, обращенный к нашей эмиграции о достойном ознаменовании наступающего юбилея и начал в том же журнале (№№ 22-23) печатание и своих собственных живых и весьма интересных воспоминаний. Приводим для наших читателей небольшой отрывок:

ИЛЬЯ ПЕРЕД РУССКИМ СУДОМ

Второй раз мне посчастливилось видеть Илью в Тифлисском Окружном Суде, на разборе литературного дела «Иверии». *)

Перо Ильи, как известно, было пером мудрости и меры. Он умел находить такие слова и выражения, которые притупляли жало даже строгой русской цензуры. Не часто удавалось чиновникам цензурного комитета запретить его писания или что нибудь «выбросить» из его текста. Щепетильность его в пользовании печатным словом была исключительной. В этом отношении и к себе и к другим он предъявлял весьма строгие требования. «Редакторское перо — говорил Илья (статья «Неужели») — не лопата, чтобы обливать грязью каждого проходящего, кто вам не понравится!».

Однажды Тедо Захокия издал небольшую брошюру под заглавием: «Акакис Наквезеби». **)

В брошюре были кое какие места, в которых Илья нашел нарушение требований литературной этики и благопристойности. Илья вообще осуждал нечистоплотность выражений, грубость тона и развязность в литературных выступлениях. В брошюре же Захокия он кроме того усмотрел оскорбление самого поэта Азакя (Церетели), который, как мне помнится, отказался от авторства брошюры, и на страницах «Иверии» весьма резко отчитал издателя.

Захокия принял выступление Ильи за личное оскорбление и подал жалобу на

редактора «Иверии» в русский суд.

Известие об этом с быстротой молнии облетело наше общество. Взволновало и возмутило его. Обращение к русскому суду по литературному делу сознание нашего общества не допускало, а жалоба на Илью задела его лучшие чувства.

В день разбора дела здание суда было буквально осаждено нашим обществом. Зал заседания был переполнен до отказа. Много было дам. Мне с трудом удалось проникнуть в зал.

Интересы Захокия против Ильи поддерживал молодой адвокат Георгий Гвазава. Илья защитника не имел. Когда в принятом порядке председатель суда обратился к Илье с вопросом, кто его защищает — он получил спокойный и твердый ответ на русском языке: — защищаю себя я сам!

С таким весом и достоинством были произнесены эти простые слова, что и судьи и публика прониклись каким то особым вниманием и уважением к обвиняемому.

Во все время процесса спокойное самообладание, достоинство и уверенность в себе ни на одну минуту не покидали его.

Прокурор доказывал: редактор нарушил литературную этику и в непристойных выражениях осудил издателя.

Илья, получив слово, спокойно достал из жилетного кармана книжечку, из которой загорелся сыр-бор и обратился к суду:

— Прежде чем приступить к защите прошу суд освободить зал от присутствия дам.

Председатель исполнил его просьбу. Не очень то охотно покинули дамы зал.

*) Взятельная газета, основанная и редактировавшаяся кн. И. Г. Чавчавадзе.

**) Изречения Азакя.

Илья приступил к переводу некоторых характерных мест брошюры. Переводил с таким исключительным мастерством и точностью, что от слушателей не ускользал ни один нюанс, ни один штрих. Все слушатели и судьи, и публика не могли удержаться от хохота. Сам председатель, делая невероятные усилия, чтобы удержаться от смеха и широко улыбаясь, неоднократно обращался к Илье:

— Все ясно, дальше можете не беспокоиться. Но половичатость не была в натуре Ильи. Он продолжал, и только дав вполне исчерпывающую характеристику брошюры закончил:

— И вот напечатанные и распространяющие такие вещи обвиняют меня в нарушении литературной этики!

Суд, конечно, должен был вынести Илье оправдательный приговор.

ХРОНИКА

ЧЕСТВУЮТ ЧАВЧАВАДЗЕ.

По постановлению совнаркома Грузии, создан республиканский комитет по проведению юбилея 100-летия со дня рождения И. Г. Чавчавадзе. (А интересно было бы знать, мог бы национальный писатель Грузии быть печатаемым большевиками, если бы он был жив?).

В состав комитета входят: Торшелидзе (председатель), Агниашвили, Мирцхулава, Татаришвили, Кикинадзе, Горделадзе, Машашвили, Леонидзе (секретарь), Деметрадзе, Джавахишвили, Шаншиашвили, Сакварелидзе, Гришашвили. Юбилей будет отпразднован в мае 1937 г.

защищаемая кандидатом, имела следующую «тематику»: «Диалектика возможного и действительного в трудах товарища Сталина».

Ни больше, ни меньше.

Нужно отдать справедливость находчивому кандидату наук. Он сумел схватить исторический факультет за рога: как не присудить звание ученого такому прыткому молодому человеку? Попробовали бы... К тому же базой своего сочинения предусмотрительный кандидат взял доклад тов. Берия на ту же тему.

РУССИФИКАТОРСКАЯ ПОЛИТИКА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

НОВЫЙ «УЧЕНЫЙ» ГРУЗИИ

С 1 июня текущего года Грузия обогатилась новым ученым. Называется новый ученый В. И. Меунаргия, 26 лет от роду. Совет исторического факультета государственн. университета Грузии единогласно присудил г. Меунаргия степень кандидата наук. Диссертация,

«Кавказ» уже имел случай неоднократно выявить настоящую физиономию «интернационалистов» из большевистского лагеря. Вот еще один яркий пример их обрусительной политики.

Одна корреспонденция из Пятигорска, помещенная в одном из июльских номеров «Правды» говорит о следующем:

«В Кабардино-Балкарии начата большая работа по переводу кабардинской письменности на новый алфавит.

В специальном постановлении областной комитет ВКП(б) и областной исполнительный комитет указывают, что перевод в 1923 году письменности Кабардино-Балкарии с арабской основы на смешанной, латинизированный алфавит, облегчил обучение грамоте населения области и борьбу с контрреволюционным панисламизмом. Однако, латинизированный кабардинский алфавит содержит крупные недостатки. В этом алфавите 46 ординарных и 9 двойных знаков. Графическая сложность ряда букв, сходство друг с другом многих из них затрудняют чтение и делают невозможной скоропись.

Латинизированный алфавит *затрудняет усвоение кабардинским народом русского языка и культуры* и обратно — русским населением кабардинского языка и культуры. При многобуквенном алфавите нельзя использовать для набора линотип.

Эти крупнейшие недостатки алфавита стали тормазом для дальнейшего роста культуры трудящихся Кабардино-Балкарии.

В связи с этим, обком ВКП(б) и областной исполнительный комитет постановили *перевести кабардинскую письменность на русскую графическую основу*.

Проект нового алфавита передан на широкое обсуждение трудящихся области.

Новый кабардинский алфавит имеет много положительных сторон. В нем 32 буквы русского алфавита и дополнительный знак: апостроф. Этими 33 знаками можно выражать все звуки кабардинского языка.

Множество писем, получаемых областной

газетой, свидетельствует о том, что новый алфавит встречается одобрително.

К разработке нового алфавита привлекаются научные силы — лингвисты Москвы и Ленинграда.»

Мы привели эту корреспонденцию в том виде, как она напечатана центральном органе русских коммунистов, подчеркнуты лишь некоторые места. Но мы считаем лишним добавив насколько эта новая затея русских красных колонизаторов выдает их с головой и показывает всю ложь их «интернационалистических» забот.

Вопрос идет об определенной программе руссификации, пока зондируется почва. К этой корреспонденции «Правды» прибавим следующую «хронику», появившуюся в одном из июльских номеров одной из советских газет Северного Кавказа:

«ПОРА ПЕРЕХОДИТЬ НА РУССКИЙ ЯЗЫК»

В ауле Мескиндиси, собрание граждан, где Самурский объясняет блага новой конституции.

«Заслуживает исключительного внимания заявление школьницы пионерки Исаковой, которая под общее одобрение, сказала:

«*Пора переходить с латинского на русский алфавит*. Я хочу поехать учиться дальше в Махачкала и Москву, а как я поеду, если не знаю русского языка? Вся лезгинская молодежь требует скорейшей замены латинского алфавита русским, чтобы нам в связи с этим легче было изучать и русский язык».

Хронику эту читатель легко сумеет расшифровать в ее истинном смысле.

Адрес Редакции: Mr Haïdar Bammate, 10, rue de Pléto Paris (15).

Le gérant: **Bisnovaty**.

Imp. S.N.I.E., 32, Rue Ménilmontant, Paris (20e).